
Пустота
и Свет
Роман о вере, предательстве
и прощении

Евгений Власов

Пустота и свет

https://litres.ru/74706998
SelfPub; 2026

Аннотация

«Пустота и Свет» — масштабный мифологический роман о начале человеческой истории, первых ошибках и вечном поиске своего места в мире.

От сотворения первых людей до последних дней Иосифа разворачивается история поколений, чьи судьбы переплетаются любовью и предательством, верой и сомнением, завистью и прощением. Адам и Хава познают цену свободы, Каин несёт память о совершённом преступлении, Ной спасает жизнь среди всемирного потопа, Авраам проходит через испытания, а Иосиф встречается лицом к лицу с теми, кто однажды обрёк его на гибель.

Это не пересказ древних преданий, а художественное путешествие к истокам человеческой души. Роман задаёт вопросы, которые не теряют силы с течением веков: наследуют ли дети вину отцов? Можно ли разорвать цепь насилия? Способны ли любовь и прощение победить прошлое?

История о земле, крови, памяти и надежде, которая продолжает жить даже после самых тяжёлых испытаний.

Евгений Власов
Пустота и свет

Пустота и свет

Пролог 3
Часть I. Пустота и Свет 4
Глава 1. Сад, в котором не было теней 4
Глава 2. Плод, которого нельзя было коснуться 11
Глава 3. Земля, которая не помнила сада 27
Глава 4. Дом, в котором росла тень 44
Часть II. Кровь на пашне 60
Глава 5. Чужая земля 60
Глава 6. Наследство огня 72
Глава 7. Имена, оставленные земле 90
Части III. «Вода над горами» 100
Глава 8. Человек, который слушал тишину 101
Глава 9. Ковчег на сухой земле 113
Глава 10. Когда закрылись небеса 123
Глава 11. Земля после воды 131
Глава 12. Семена нового мира 141
Глава 13. Дороги, расходящиеся от дома 149
Часть IV. Башня и языки 159
Глава 14. Город, который хотел коснуться неба 159
Глава 15. Земля, которую обещали 171

Глава 16. Смех под шатром 182
Глава 17. Нож над землёй 191
Глава 18. Город у солёного моря 210
Глава 19. Город, который строил небо 219
Часть V. Рубашка в крови 228
Глава 20. Два сына одной матери 228
Глава 21. Рубашка в крови 238
Глава 22. Дом без окон 247
Глава 23. Возвращение братьев 259
Глава 24. Земля, где снова встретились братья 267
Эпилог. То, что остаётся после нас 273

Пролог

До начала не было ни земли, ни воды, ни того, что позднее люди назовут небом. Не было сторон света, потому что не существовало сторон. Не было глубины, потому что ничто не могло упасть, и не было высоты, потому что ничто не могло подняться.

Не было даже тьмы.

Тьма приходит туда, где уже существует свет, где одно может скрывать другое. А тогда не было ничего, что могло бы быть скрыто.

И всё же было нечто, которому ещё не нашлось имени.

Я не помню, когда впервые услышал тишину. Возможно, она была прежде меня. Возможно, я сам и был ею, пока не возникло различие между тем, кто слышит, и тем, что можно

услышать.

Я не знал одиночества. Для одиночества нужны двое.

Я не знал времени. Для времени необходимы ожидание и потеря.

Но однажды в безмерности возникло движение.

Не звук. Не дыхание. Скорее желание, которому некуда было направиться.

И тогда я произнёс первое слово.

Оно не прозвучало, потому что ещё не существовало воздуха. Но там, где прежде не было ничего, появилось пространство. Оно раздвинуло неподвижность, словно руки раздвигают занавес шатра перед рассветом.

За ним не оказалось ничего знакомого.

Я увидел бездну, не имевшую дна. В ней не было ни берега, ни течения, ни отражения. Всё могло стать всем, но ничто ещё не стало собой.

Тогда я отделил одно от другого.

Не потому, что одно было добрым, а другое злым. Не потому, что свет заслуживал существования больше тьмы. Просто без различия невозможно было узнать ни одного предмета, ни одного лица.

Появился свет.

Он не согрел никого, потому что некому было мёрзнуть. Он не осветил дорогу, потому что никто ещё не должен был идти. Он просто был.

За светом пришла тень.

За тенью — глубина.

За глубиной — вода, которая приняла в себя отражение первого света и понесла его, не зная, что несёт.

Я поднял над водами простор. В нём появились ветры. Они не знали направления, но уже могли двигаться. Я дал земле подняться из глубин, и она впервые почувствовала тяжесть собственного существования.

Камни легли на камни.

Песок занял низины.

Реки нашли пути, которых прежде не было, и стали искать море. Море приняло их без благодарности и без обещаний.

Я наполнил землю семенами. Одни упали в мягкую почву, другие — на камень. Одни проросли, другие сгнили. Так впервые возникло различие между тем, что могло продолжаться, и тем, что исчезало.

Потом пришли живые существа.

Они не знали, что рождаются. Не знали, что умрут. Они искали пищу, избегали огня, прятались от холода и оставляли после себя следы, которые смывал дождь.

Мир становился полным.

Но полнота не означала завершения.

Я долго смотрел на землю и видел, что у неё есть реки, но нет памяти о том, откуда пришла вода. У неё есть деревья, но нет никого, кто мог бы рассказать о первом семени. Звери оставляли следы, но не возвращались к ним, чтобы спросить, кому они принадлежат.

Тогда я задумался о существе, которое сможет помнить.

О существе, которое будет знать цену воде, потому что однажды испытает жажду. Которое будет любить землю, потому что сможет потерять её. Которое будет произносить слова и однажды поймёт, что слово способно ранить сильнее камня.

Я знал, что вместе с памятью придёт скорбь.

Знал, что вместе со свободой придёт возможность отказаться.

Знал, что тот, кому дано выбирать, может избрать путь, которого я не хотел бы видеть.

Но я не удержал руку.

Из праха поднялось тело. В нём соединились вода и земля, холод и тепло, тяжесть и дыхание. Оно лежало неподвижно, пока ветер не коснулся его губ.

И человек открыл глаза.

В его взгляде ещё не было ни страха, ни надежды. Он смотрел на мир так, как смотрят на незнакомую землю путники, не знающие, где им предстоит поставить шатёр.

Я дал ему спутницу.

Не слугу, не тень и не продолжение его тела. Я дал ему другую жизнь, которая могла смотреть на него и видеть не всё то же, что видел он.

Они стояли рядом.

Между ними ещё не было ни обещаний, ни обид, ни воспоминаний.

Они не знали, что однажды будут искать друг друга среди множества людей. Не знали, что их дети станут судить их поступки, а дети их детей будут носить на руках следы чужих ошибок.

Они не знали, что земля, которая теперь принимала их босые ступни, однажды примет их кости.

Я дал им сад.

И оставил в нём одну закрытую дверь.

Не для того, чтобы они никогда не открыли её.

А потому, что за каждой дверью есть то, что невозможно вернуть тому, кто вошёл.

Я молчал.

Они жили.

И мир начал свою историю.

Часть I. Пустота и Свет

Глава 1. Сад, в котором не было теней

Первое, что почувствовал Адам, была прохлада.

Она лежала на его коже тонким слоем, словно ночная роса, и уходила постепенно, уступая место теплу. Он открыл глаза, но не сразу понял, что видит. Над ним простиралось небо, глубокое и прозрачное, а сквозь густые ветви падали полосы света.

Он лежал на земле.

Земля была мягкой, влажной и пахла чем-то незнакомым. Адам провёл ладонью по почве. Под пальцами остались тёмные крупицы, и он долго рассматривал их, словно в них за-

ключалось что-то важное.

Потом он поднялся.

Ноги едва удержали его. Он сделал несколько шагов, коснулся ствола дерева и почувствовал под ладонью шероховатость коры. Ветви над ним были полны листьев. Между листьями висели плоды, тяжёлые, округлые, некоторые уже треснули от зрелости.

Он сорвал один.

Кожица оказалась прохладной. Внутри была сладкая мякоть, и Адам ел медленно, прислушиваясь к тому, как пища исчезает во рту и становится частью его тела.

Он не знал голода.

Но знал вкус.

Он не знал жажды.

Но, увидев ручей, опустился на колени и стал пить.

Вода была холодной. Она текла между камнями, обнимала корни деревьев, исчезала в высокой траве и появлялась снова. Адам смотрел на собственное отражение, пока течение не разрушило его лицо.

Он испугался.

Не потому, что увидел нечто страшное, а потому, что лицо исчезло, хотя он продолжал стоять на месте.

Он опустил руку в воду. Отражение разошлось кругами.

Тогда Адам впервые засмеялся.

Звук показался ему чужим. Он попробовал повторить его и снова засмеялся, уже громче.

Вокруг было много звуков. Где-то в ветвях перекликались птицы. В высокой траве шевелились маленькие существа. Ветер проходил над садом, и листья отвечали ему тысячами тихих движений.

Адам шёл, пока не увидел зверей.

Они выходили из зарослей и смотрели на него без страха. Одни были быстрыми и тонконогими, другие — тяжёлыми, с широкими головами. Были существа с рогами, с длинными хвостами, с крыльями, с мягкими ушами.

Адам приближался к каждому.

Он касался их спин, заглядывал в глаза, слушал дыхание. Некоторых зверей он гладил, и они позволяли ему это. Другие отходили, сохраняя расстояние.

Он давал имена.

Не потому, что знал, как следует называть каждое существо. Имена возникали сами, вместе с движением языка и первым впечатлением.

Тяжёлого зверя с широкими рогами он назвал Гором.

Маленькое существо, которое прыгало между камнями, — Тиром.

Птицу с длинной шеей — Белой.

Когда он произносил имя, зверь словно становился ближе. Теперь Адам мог обратиться к нему, позвать, отличить от других.

Но к вечеру он заметил, что никто не отвечает ему так, как он говорит.

Звери издавали звуки, но не произносили его имя. Они могли подойти, могли уйти, могли прижаться к его руке, но не могли спросить, зачем он дал им это имя.

Адам сел под деревом.

Солнце опускалось за дальние холмы, и тени становились длиннее. Впервые он увидел, что мир меняется без его участия. Свет уходит, листья темнеют, птицы возвращаются в гнёзда.

Он поднял голову.

Небо медленно наполнялось огнями.

Адам не знал, что это звёзды. Он не знал, как далеко они находятся. Ему казалось, что они висят над садом, как плоды на невидимых ветвях.

Он протянул руку, но не смог коснуться ни одного.

Тогда ему стало одиноко.

Это чувство пришло без предупреждения. Оно не походило на голод или холод. У него не было места в теле, которое можно было бы показать пальцем. Оно возникло где-то глубже дыхания.

Адам лёг на землю и закрыл глаза.

Ночью ему снились незнакомые голоса.

Утром он увидел её.

Она стояла у ручья, наклонившись над водой. Её волосы падали на плечи, а ладони держали несколько светлых камешков. Она переворачивала их, рассматривала гладкие поверхности, потом бросала один за другим в воду.

Адам остановился.

Он не знал, кто перед ним.

Он знал только, что раньше её не видел.

Она подняла голову.

Некоторое время они смотрели друг на друга.

— Кто ты? — спросила она.

Адам открыл рот, но слова не сразу пришли.

Он подошёл ближе.

— Адам.

Она повторила:

— Адам.

Ему понравилось, как его имя прозвучало в её голосе. До этого он произносил его сам, и оно казалось частью его дыхания. Теперь имя вернулось к нему извне.

— А ты? — спросил он.

Женщина посмотрела на воду.

— Не знаю.

— У тебя нет имени?

— Может быть, оно есть. Но я его не слышала.

Адам задумался.

— Тогда я назову тебя Хава.

Она повернулась к нему.

— Почему?

Он не знал, как объяснить. Ему казалось, что это имя подходит ей, как ручей подходит долине, как свет подходит утру.

— Потому что ты здесь.

Хава посмотрела на него внимательнее.

— Разве этого достаточно?

— Не знаю.

Она улыбнулась.

Адам увидел улыбку и почувствовал, что в саду стало иначе. Деревья остались на прежних местах, вода продолжала течь, птицы пели так же, как прежде, но теперь он мог поделиться увиденным.

Хава протянула ему камешек.

— Посмотри.

Он взял его. Камень был белым, с тонкой серой прожилкой.

— Он красивый, — сказал Адам.

— Я тоже так подумала.

— Зачем ты бросала их в воду?

— Они исчезали.

— Камни не исчезают. Они лежат на дне.

— Я знаю. Но на мгновение их нет.

Адам посмотрел на ручей.

— Ты боишься, что они исчезнут?

Хава пожала плечами.

— Нет. Мне хотелось увидеть, что будет, если я отпущу то, что держу.

Он не понял её слов, но запомнил их.

Они пошли вдоль воды.

Хава задавала вопросы. Почему дерево растёт вверх? По-

чему ручей не остаётся на одном месте? Почему птицы улетают, когда солнце касается гор? Почему звери не позволяют приближаться к своим детёнышам?

Адам отвечал, как мог.

Некоторые ответы он знал, потому что видел. Другие придумывал, потому что молчание между вопросом и ответом казалось ему неправильным.

Хава замечала это.

— Ты не знаешь, — говорила она.

— Но я могу узнать.

— А если не узнаешь?

— Тогда буду искать.

Она улыбалась, и он снова чувствовал радость.

В последующие дни они узнавали сад вместе.

Адам показывал ей деревья, которые уже знал, а она находила среди них новые. Она различала запахи цветов, которые он прежде не замечал. Она могла долго стоять у одного куста, наблюдая, как муравьи переносят маленькие частицы листьев, и спрашивала, куда они их несут.

Адам смеялся над её любопытством, но сам всё чаще останавливался рядом.

Он понял, что можно видеть одно и то же, но замечать разное.

Это было новым открытием.

Однажды они нашли высокую скалу, с которой открывался вид на весь сад. Оттуда были видны реки, уходящие в зе-

лёные долины, озёра между холмами и дальние места, где земля поднималась к небу.

Хава долго смотрела вдаль.

— Что там? — спросила она.

— Земля.

— А за землёй?

Адам пожал плечами.

— Ещё земля.

— А потом?

— Не знаю.

Она села на камень.

— Мне хочется туда пойти.

— Здесь есть всё.

— Здесь есть всё, что мы видели.

— Разве этого мало?

Хава не ответила.

Ветер поднял несколько прядей её волос. Она смотрела на далёкие холмы, и Адам вдруг понял, что не может удержать её взгляд.

Он взял её за руку.

Она не отняла ладонь.

Сад был устроен так, что почти всякая нужда находила ответ прежде, чем становилась мучительной.

Плоды зрели в положенное время. Ручьи не пересыхали. Деревья давали тень, земля принимала семена, а ночи были прохладными, но не холодными.

Они не знали, что такое запасать пищу.

Им не требовалось строить жилище, чтобы укрыться от непогоды. Не было нужды ограждать участок, считать стадо или опасаться, что кто-то придёт ночью и заберёт плоды.

Они жили среди изобилия, но ещё не знали, что такое достаток.

Для того чтобы понять достаток, нужно хотя бы однажды чего-то лишиться.

Они не знали потери.

Потому и не умели благодарить.

Не из неблагодарности, а потому, что всё вокруг казалось естественным, как собственное дыхание.

Хава первой заметила, что некоторые деревья в саду отличаются от остальных.

Они стояли ближе к его середине, где земля была особенно тёмной и влажной. Вокруг них не росла трава. Корни выступали из почвы, словно пальцы, а ветви переплетались так густо, что солнечный свет проникал сквозь них лишь отдельными лучами.

Одно дерево было высоким, с гладким стволом и листьями цвета глубокой зелени. Его плоды казались золотистыми, но при ближайшем рассмотрении в их кожице проступал тёмный оттенок, словно под ней скрывалась тень.

Другое дерево было ниже. Его ветви расходились в стороны, а листья имели странную форму: одна половина была светлее другой.

Хава подошла к ним.

— Почему здесь ничего не растёт? — спросила она.

Адам остановился рядом.

— Не знаю.

— Эти деревья отличаются.

— Да.

— Ты знаешь, что они дают?

Он посмотрел на плоды.

— Нет.

Хава протянула руку, но не коснулась их.

— Мы можем узнать.

Адам вспомнил нечто, что услышал ещё в первые дни своего существования. Не слова в привычном смысле, а присутствие, от которого невозможно было отвернуться.

Тогда он понял, что некоторые вещи в саду принадлежат не ему.

Он не мог объяснить, как это узнал. Но граница была ясной.

— Не трогай их, — сказал он.

Хава обернулась.

— Почему?

— Так велено.

— Кем?

Адам поднял глаза к ветвям.

— Тем, кто дал нам сад.

— Он сказал, что нельзя трогать эти деревья?

— Да.

— А почему?

Адам помолчал.

— Не знаю.

Хава посмотрела на плоды.

— Может быть, они ядовиты?

— Возможно.

— Тогда почему они растут среди других?

— Не знаю.

— Может быть, они нужны кому-то ещё?

Адам не ответил.

Она опустила руку.

— Хорошо.

Они ушли.

Но Хава ещё долго вспоминала деревья.

Вечером они сидели у воды.

Адам лежал на спине, подложив руки под голову. Хава собирала длинные травинки и связывала их узлами. Она делала это без определённой цели, а потом распускала и начинала снова.

— Адам, — сказала она.

— Что?

— Если нам всё позволено, зачем существует то, что запрещено?

Он повернул голову.

— Не всё позволено.

— Но почти всё.

— Значит, этого достаточно.

Хава нахмурилась.

— Для чего достаточно?

Адам не знал, что ответить.

Он посмотрел на её руки. На пальцах оставались тонкие следы от травы. Она была рядом, и ему хотелось, чтобы этот вечер продолжался.

— Мы можем жить здесь, — сказал он. — У нас есть вода, пища, деревья. Мы не нуждаемся ни в чём другом.

— А если однажды нам захочется чего-то, чего здесь нет?

— Тогда будем искать.

— А если нам нельзя будет искать?

Он приподнялся.

— Почему ты спрашиваешь об этом?

Хава посмотрела на него.

— Потому что ты не знаешь ответа.

Она произнесла это без упрёка. Но Адам почувствовал, будто между ними возникло небольшое расстояние.

Он хотел сказать, что незнание не страшно. Что они могут продолжать жить, как прежде. Что сад велик, и в нём достаточно мест, которые они ещё не видели.

Но слова не складывались.

Вдалеке над деревьями поднялась птица. Она сделала круг, потом второй и скрылась за холмом.

Хава проводила её взглядом.

— Она может улететь, — сказала она.

— Да.

— А мы?

Адам посмотрел на сад.

Он никогда не думал об уходе.

— Нам незачем.

Хава ничего не ответила.

Ночь пришла постепенно. Сначала потемнели дальние холмы, потом деревья, затем вода. Над ними появились звёзды.

Адам заснул быстро.

Хава ещё долго лежала с открытыми глазами.

Ей снилось дерево с золотистыми плодами. Она не видела, кто посадил его, не знала, когда оно выросло и сколько времени стояло посреди сада. Но во сне ей казалось, что дерево ждёт.

Не их.

Не какого-то другого существа.

Самого момента, когда кто-нибудь решится спросить, почему его плоды нельзя есть.

Утром Хава проснулась и не рассказала Адаму о сне.

Она сама не понимала, почему промолчала.

На другой стороне сада, там, где корни деревьев уходили глубоко в землю, ветер внезапно изменил направление.

Листья зашевелились, хотя над холмами не было ни облака. Ручей на мгновение остановился в узком месте между

камнями, словно вода забыла, куда ей течь.

Потом движение вернулось.

Никто не услышал голоса.

Никто не увидел того, кто мог бы наблюдать за ними.

Но в саду уже существовало нечто, чего прежде не было.

Вопрос.

И вопрос этот не принадлежал ни дереву, ни земле, ни ветру.

Он принадлежал человеку.

Глава 2. Плод, которого нельзя было коснуться

Утро началось с тумана.

Он лежал над низинами, цеплялся за ветви и медленно поднимался от воды. Деревья проступали сквозь него одно за другим, словно сад возникал заново после ночи. На листьях блестели капли, а тяжёлые плоды склонялись к земле.

Хава проснулась раньше Адама.

Некоторое время она лежала неподвижно, прислушиваясь к его дыханию. Он спал спокойно, повернувшись на бок. Одна рука лежала под головой, другая касалась земли. Во сне его лицо казалось моложе, чем при свете дня.

Она осторожно поднялась и отошла к ручью.

Вода была холодной. Хава умыла лицо, пригладила волосы и долго смотрела на своё отражение. Ей нравилось, что вода повторяет её движения. Когда она наклонялась, лицо приближалось к поверхности. Когда отступала, оно удалялось.

Но отражение никогда не смотрело первым.

Она вспомнила сон.

Золотистые плоды. Тёмные корни. Ветви, которые не двигались, хотя вокруг них шумел ветер.

И вопрос.

Хава не любила, когда вопрос оставался без ответа. Не потому, что ей требовалось знать всё. Напротив, она любила неизвестное. Ей нравилось находить новые ручьи, замечать незнакомые цветы, следить за тем, как из земли появляется росток.

Но между неизвестным и запрещённым существовала разница.

Неизвестное приглашало приблизиться.

Запрещённое заставляло остановиться.

Она подняла с берега небольшой камень и бросила его в воду.

Круги разошлись по поверхности.

— Ты опять бросаешь камни?

Адам стоял за её спиной.

Хава обернулась.

— Они красиво тонут.

— Но ты не можешь увидеть, куда они попадают.

— Мне достаточно знать, что они где-то там.

Адам подошёл и сел рядом.

— Сегодня пойдём к дальнему ручью?

— Пойдём.

Они отправились после того, как поели плодов.

Дальний ручей начинался у скалистого склона. Там вода выходила из-под камней и стекала по узкой ложбине, собираясь в небольшое озеро. Вокруг росли деревья с широкими листьями. Их корни поднимали камни, а ветви образовывали густую крышу.

Адам знал это место, но редко приходил сюда. Хава любила его больше других мест сада.

Здесь было тихо.

Здесь можно было долго сидеть и смотреть, как вода обходит препятствия.

Они провели там большую часть дня. Адам показывал Хаве, как различать следы зверей на влажной земле. Она находила растения, которые он прежде не замечал, и спрашивала, почему одни листья гладкие, а другие покрыты тонким пушком.

К вечеру они вернулись к середине сада.

И снова увидели два дерева.

Хава остановилась.

Адам заметил это.

— Мы уже говорили о них.

— Я помню.

— Тогда пойдём дальше.

— Почему?

— Потому что нельзя.

Она посмотрела на него.

— Ты знаешь, что произойдёт, если прикоснуться к плодам?

— Нет.

— Знаешь, почему нельзя?

— Нет.

— Тогда что именно ты знаешь?

Адам нахмурился.

— Мне сказали не есть их.

— Кому сказали?

— Мне.

Хава опустила глаза.

— А мне?

— Я передал тебе.

— Значит, ты слышал, а я узнала от тебя.

— Разве это меняет что-нибудь?

Она не ответила.

Адам взял её за руку.

— Не будем об этом.

Они пошли дальше, но Хава обернулась ещё раз.

Ветви деревьев были неподвижны. Плоды висели среди листьев, и на их гладкой кожице играли последние лучи солнца.

На следующий день Хава встретила змея.

Он лежал на тёплом камне у самого корня дерева. Его чешуя отливала песочным цветом, а узкая голова была поднята над землёй. Он не прятался и не пытался уползти, когда

женщина приблизилась.

Хава остановилась.

Она уже видела таких существ. Они жили среди камней, грелись на солнце и исчезали в расщелинах, когда рядом проходили крупные звери.

Но этот не двигался.

— Ты не боишься меня? — спросила она.

Змей повернул голову.

— А должна ли я бояться тебя? — ответил он.

Хава отступила на шаг.

Она не сразу поняла, что услышала. Звери издавали звуки, но ни один прежде не складывал их в слова.

— Ты говоришь?

— Ты слышишь.

— Кто научил тебя?

— Кто научил тебя спрашивать?

Хава посмотрела на него внимательнее.

— Ты знаешь моё имя?

— Знаю.

— Кто сказал тебе?

— Ветер приносит многое.

Змей медленно скользнул по камню. Его движения были почти бесшумными.

Хава не чувствовала страха. Скорее удивление, смешанное с осторожностью.

— Почему ты здесь?

— Греюсь.
— На этом камне?
— Здесь тепло.
Она улыбнулась.
— Ты похож на других змей.
— А ты похожа на других женщин?
Хава не знала, что ответить.
Змей приподнял голову и посмотрел на деревья.
— Ты часто приходишь сюда.
— Да.
— Но не подходишь близко.
— Нам нельзя.
— Кто сказал?
— Тот, кто дал нам сад.
Змей помолчал.
— И ты знаешь, почему?
Хава покачала головой.
— Адам говорит, что мы умрём, если съедим плод.
— Умрёте?
— Так ему сказали.
Змей повернул голову к дереву.
— Странно.
— Что странно?
— Ты живёшь среди всего, что создано для тебя, но однажды тебе говорят, что есть нечто, чего ты не должна знать.
Хава нахмурилась.

— Может быть, оно опасно.

— Может быть.

— Тогда почему ты говоришь так, словно это неправда?

Змей медленно обвился вокруг выступающего корня.

— Я не говорил, что это неправда.

Он замолчал.

Хава ждала продолжения.

— Ты боишься умереть? — спросил он наконец.

— Я не знаю, что такое смерть.

— Тогда почему боишься?

— Я не боюсь.

— Значит, тебе нечего терять.

Хава посмотрела на собственные руки.

Она не думала о смерти. Не представляла, что значит перестать дышать, исчезнуть, больше не видеть воду и не слышать голоса Адама.

Но слова змея оставили в ней неприятное чувство.

— Зачем ты говоришь со мной?

— Ты подошла.

— Я могла пройти мимо.

— Но остановилась.

Хава повернулась к дереву.

Один из плодов висел низко. На его поверхности лежала капля воды. Она медленно стекала по кожице, собираясь у основания.

— Ты ел этот плод? — спросила Хава.

Змей не ответил сразу.

— Я не человек.

— Это не ответ.

— Я не нуждаюсь в том, что ищешь ты.

— Я ничего не ищу.

— Тогда зачем стоишь здесь?

Хава посмотрела на него.

Змей опустил голову на корень.

— Возвращайся к своему спутнику.

Она отошла.

Но теперь дерево казалось ей не просто запретным. Оно стало предметом разговора, а значит, заняло место в её мыслях.

Адам заметил перемену вечером.

Хава была задумчива. Она не задавала вопросов, не показывала найденные растения, не смеялась над птицами, которые спорили за место на ветке.

Она сидела у огня, хотя огонь им был не нужен. Адам давно заметил, что ей нравится смотреть на его движение. Пламя поднималось и опускалось, пожирало сухие веточки, меняло цвет.

— Ты молчишь, — сказал он.

— Я слушаю.

— Что?

— Ночь.

Адам сел рядом.

— Ты была у середины сада?

Хава повернулась к нему.

— Была.

— Одна?

— Да.

— Зачем?

— Хотела посмотреть на деревья.

Он нахмурился.

— Я просил тебя не ходить туда.

— Ты просил меня не есть плоды.

— Это одно и то же.

— Нет.

Адам поднялся и прошёл несколько шагов.

Он не хотел сердиться на неё. Но ему казалось, что она приближается к чему-то, от чего он сам старался держаться подальше.

— Ты не понимаешь, что делаешь.

— А ты понимаешь?

Он обернулся.

— Я знаю, что нам велено.

— Ты знаешь, что тебе велено.

Адам почувствовал раздражение.

— Почему ты всё время разделяешь нас?

— Я не разделяю. Я спрашиваю.

— Ты ищешь причину не повиноваться.

Хава опустила глаза.

Эти слова задели её сильнее, чем она ожидала.

— Я не хочу причинять тебе зло.

— Тогда не делай того, что может погубить нас обоих.

Она посмотрела на него.

— Ты боишься за меня?

— Да.

— Или за себя?

Адам не ответил.

Они долго сидели молча.

Потом Хава придвинулась ближе и положила голову ему на плечо. Он обнял её.

В эту ночь они спали рядом, но Хава долго не могла забыть слова змея.

Утром она снова пришла к деревьям.

На этот раз она не собиралась искать змея. Ей хотелось увидеть плод при дневном свете. Она хотела понять, почему одно дерево отличается от остальных и почему его плоды скрыты за запретом.

Она остановилась перед стволом.

Листья тихо шевелились.

Солнечный свет проходил сквозь них, оставляя на земле движущиеся пятна.

Хава подняла голову.

Плоды были прекрасны.

Она никогда прежде не смотрела на них так внимательно. Их кожица была гладкой, золотистой, с тонкими красны-

ми прожилками. Один плод раскрылся у основания, обнажив светлую мякоть.

Запах был едва заметен.

Он напоминал запах спелых ягод и влажной земли после дождя.

Хава протянула руку.

И остановилась.

В памяти возник голос Адама: «Нельзя».

Потом другой голос: «Ты узнаешь».

Она опустила ладонь.

— Ты вернулась, — сказал змей.

Он появился из травы у корней.

Хава посмотрела на него.

— Я хочу знать.

— Что именно?

— Что скрывает это дерево.

Змей поднял голову.

— Ты думаешь, что за плодом находится ответ?

— Не знаю.

— Тогда почему ищешь?

— Потому что мне не сказали.

Змей немного отодвинулся.

— Может быть, тебе не сказали потому, что ответ не принадлежит тебе.

— А может быть, потому, что его не хотят мне отдавать.

Змей не возразил.

Он смотрел на неё неподвижно.

Хава впервые почувствовала, что разговор с ним не похож на разговор с Адамом. Адам отвечал, когда знал, и молчал, когда не знал. Змей же говорил так, будто каждое слово открывало следующую дверь, но за дверью снова находилась неизвестность.

— Ты станешь иной, если попробуешь, — произнёс он.

— Какой?

— Не такой, как прежде.

Хава посмотрела на плод.

— Разве это плохо?

— Я не знаю.

Она усмехнулась.

— Ты тоже не знаешь.

— Да.

И это признание неожиданно подействовало на неё сильнее всех прежних слов.

Змей не обещал ей счастья. Не обещал бессмертия. Не говорил, что за запретом скрывается сокровище.

Он только оставлял возможность.

Хава сняла плод.

Он оказался тяжёлым для своей величины. Она почувствовала прохладу кожицы и мягкость зрелой мякоти под пальцами.

Несколько мгновений она держала его перед собой.

Потом поднесла ко рту.

Первый укус был небольшим.

Сок коснулся языка. Вкус оказался терпким, с горечью, которую она прежде не знала. Хава медленно прожевала мякоть и проглотила.

Ничего не произошло.

Она посмотрела на руки.

На землю.

На дерево.

Всё оставалось прежним.

Она откусила ещё раз.

Вкус показался ей менее горьким.

И тогда она заметила Адама.

Он стоял на краю поляны.

Адам пришёл искать её после того, как не нашёл у ручья.

Он обошёл знакомые места, заглянул под скалы, прошёл вдоль зарослей и увидел её у запретного дерева.

Сначала он не понял, что происходит.

Потом увидел плод в её руке.

Хава стояла неподвижно.

На её лице не было ни страха, ни радости. Она смотрела на него так, словно ждала, что он скажет что-нибудь, что сможет вернуть прежнее положение вещей.

— Что ты сделала? — спросил Адам.

Она опустила руку.

— Я попробовала.

Он подошёл ближе.

— Ты ела его?

Хава кивнула.

Адам посмотрел на дерево.

Потом на плод.

— Зачем?

— Я хотела знать.

— Что теперь?

Она не ответила.

— Ты чувствуешь что-нибудь?

Хава провела ладонью по груди.

— Не знаю.

Адам посмотрел ей в глаза.

Он ожидал увидеть там болезнь, безумие, какое-то страшное изменение. Но она оставалась той же женщиной, с которой он делил воду и тень.

Только теперь между ними стоял поступок.

Хава протянула ему остаток плода.

— Попробуй.

Адам отшатнулся.

— Нет.

— Посмотри на меня. Я жива.

— Ты не знаешь, что произойдёт.

— Именно поэтому я и попробовала.

— Ты могла спросить меня.

— Я спрашивала.

Он отвернулся.

Внутри него поднималось что-то тяжёлое. Он чувствовал страх, но не мог определить, чего именно боится: потерять Хаву, нарушить повеление или остаться в саду одному, зная, что она уже ушла дальше него.

— Я не могу, — сказал он.

Хава опустила плод.

— Я не прошу тебя быть таким, как я.

Эти слова ранили его.

Он посмотрел на неё.

— Если ты уйдёшь туда, куда я не могу пойти, что останется между нами?

Хава молчала.

Впервые она поняла, что её поступок не принадлежит только ей. Он уже коснулся Адама, хотя тот не ел плода.

Она протянула руку и коснулась его лица.

— Я не хочу уходить от тебя.

Адам закрыл глаза.

Потом открыл.

Он посмотрел на плод.

И взял его.

Хава не остановила его.

Он долго держал плод в руках. На его поверхности блестел сок. Адам видел, что это всего лишь пища, но в его сознании она уже стала чем-то иным.

Он мог отказаться.

Мог уйти.

Мог остаться рядом с женщиной, которую любил, и сохранить прежнюю границу.

Но тогда между ними навсегда осталось бы место, куда он не мог войти.

Он откусил.

Сначала почувствовал горечь.

Потом сладость.

Затем — странное, почти болезненное тепло, расходившееся по телу.

Он проглотил.

Небо не раскололось.

Земля не разверзлась.

Ветер продолжал двигать листья.

Но Адам почувствовал, что мир стал другим.

Первым изменилось их зрение.

Не потому, что глаза стали видеть дальше или яснее. Напротив, они увидели слишком многое.

Они заметили, как листья прикрывают друг друга, как звери прячут детёнышей, как птицы защищают гнёзда от чужих глаз.

Они увидели собственные тела.

Не как прежде — как естественное продолжение жизни, а как нечто отдельное, что можно рассматривать и скрывать.

Хава первой опустила глаза.

Адам заметил её движение и тоже посмотрел на себя.

Между ними возникло смущение.

Они отступили друг от друга.

— Что с нами? — прошептала Хава.

Адам не ответил.

Он вдруг увидел, что её взгляд может судить его. Что его руки могут причинить ей боль. Что близость не означает полного знания другого.

Он понял, что она способна уйти.

И понял, что сам способен остаться.

Эта мысль была страшнее всего.

Они нашли широкие листья и связали их травяными стеблями, пытаясь прикрыть тела. Работа получалась плохо. Листья рвались, стебли скользили, узлы распускались.

Хава рассердилась.

— Они не держатся!

Адам попытался помочь, но сделал только хуже.

— Дай мне.

— Я сама.

Он отступил.

Она несколько раз перевязала листья, пока не получилось подобие пояса.

Адам сделал такой же.

Потом они сели в тени.

Сад был всё тем же.

Но прежнего покоя больше не было.

Ближе к вечеру поднялся ветер.

Он прошёл через верхушки деревьев, заставив их шуметь

сильнее обычного. Где-то далеко ударил гром, хотя небо оставалось чистым.

Адам поднялся.

— Пойдём.

— Куда?

— В заросли.

— Зачем?

Он не ответил.

Ветер снова коснулся их лиц.

И тогда они услышали присутствие.

Не голос, который можно было бы сравнить с человеческим. Скорее зов, от которого невозможно было спрятаться, даже если закрыть уши.

Адам замер.

Хава взяла его за руку.

— Не уходи, — прошептала она.

Он не знал, кому были обращены её слова.

Они побежали в сторону густых деревьев и спрятались между широкими стволами.

Солнце опускалось за холмы.

По саду шёл Тот, чьего лица они никогда не видели.

И впервые Адам пожелал, чтобы его не нашли.

— Где ты? — прозвучал голос.

Адам закрыл глаза.

Он мог ответить.

Он знал, что должен ответить.

Но теперь знал и то, что его слова могут выдать не только его самого.

Хава сжала его руку.

— Не молчи, — сказала она.

Адам поднялся.

— Я здесь.

Тишина стала глубже.

— Почему ты спрятался?

Адам посмотрел на землю.

— Я услышал Твой шаг и испугался, потому что был наг.

— Кто сказал тебе, что ты наг?

Он не ответил сразу.

— Ты ел от дерева, которого Я не велел касаться?

Адам посмотрел на Хаву.

В его груди поднялось раздражение. Оно возникло так быстро, что он не успел его остановить.

— Женщина, которую Ты дал мне, она дала мне плод, и я ел.

Хава отступила на шаг.

Она услышала не только слова.

Она услышала, как Адам отдал ей часть своей вины, словно тяжёлый сосуд, который больше не хотел держать.

Голос обратился к ней:

— Что ты сделала?

Хава опустила голову.

— Змей говорил со мной. Он убедил меня, и я ела.

Она не сказала, что сама захотела.

Не сказала, что могла уйти.

Не сказала, что в тот миг, когда подняла плод, ей было страшно и радостно одновременно.

Она произнесла только то, что могло объяснить случившееся.

Затем наступила тишина.

Змей лежал у корней дерева.

Его тело было неподвижным, но глаза оставались открытыми.

Ветер прошёл над поляной и погасил последние звуки дня.

Адам ждал наказания.

Хава ждала ответа.

Но ответ не пришёл.

Сначала они услышали голос, обращённый к змею.

Ему было сказано, что отныне он будет жить близко к земле, что путь его станет труднее, а между его потомством и потомством женщины возникнет вражда.

Хава слушала, не понимая всего смысла этих слов.

Потом голос обратился к ней.

Она услышала о боли рождения, о тяжести желаний, о том, что близость между мужчиной и мужчиной, женщиной и мужчиной больше не будет такой безмятежной, как прежде.

Она не поняла, почему любовь должна стать местом борь-

бы.

Но когда посмотрела на Адама, увидела, что он уже отводит глаза.

Потом настала очередь Адама.

Ему было сказано, что земля, которая прежде давала пищу без усилия, теперь будет сопротивляться. Что он станет добывать хлеб в поте, а почва будет давать не только плоды, но и колючки.

И что однажды тело его вернётся в землю, из которой было взято.

Адам опустился на колени.

Он посмотрел на свои ладони.

Они были испачканы соком плода и тёмной землёй.

Он сжал пальцы.

— Я не знал, — сказал он.

Но ответа не последовало.

Он поднял голову.

— Я не знал, что это случится.

Тишина оставалась прежней.

Хава стояла рядом и чувствовала, как в ней поднимается гнев.

Она хотела спросить, почему никто не объяснил им, что скрывается за запретом. Хотела сказать, что незнание не делает их невиновными, но и не превращает их в тех, кто заслужил всё, что теперь должно произойти.

Она хотела спросить, почему за один плод они должны

потерять весь мир.

Но не произнесла ни слова.

Потому что впервые поняла: некоторые вопросы не возвращают того, что было до них.

Когда солнце скрылось за холмами, Адам и Хава вышли из зарослей.

Они шли медленно.

Впервые каждый шаг казался им отдельным решением.

На краю сада стояли деревья с широкими кронами. Рядом с ними земля была мягкой и влажной. Дальше начиналась открытая местность, где трава росла редко, а между камнями лежал сухой песок.

Хава остановилась.

— Мы должны уйти?

Адам посмотрел назад.

Сад был полон света. Вода продолжала течь. Звери возвращались к своим укрытиям.

Всё было прежним.

Но теперь они видели, что это не значит, будто всё осталось их.

— Нам сказали уйти, — ответил он.

Хава долго смотрела на деревья.

— Я думала, мы сможем остаться.

Адам не нашёл слов.

Они подошли к краю сада.

Там, где прежде не было границы, теперь стоял огонь. Он

двигался в воздухе, не касаясь земли, и от него исходил такой жар, что невозможно было приблизиться.

Внутри огня вращалось нечто похожее на острое лезвие.

Оно не давало пройти.

Адам сделал шаг назад.

Хава закрыла лицо руками.

Она не плакала.

Ей казалось, что слёзы были бы слишком малым ответом на происходящее.

Ночь они провели у последнего дерева.

Утром им предстояло идти дальше.

Первые шаги за пределами сада дались им тяжело.

Земля была сухой. Камни впивались в ступни. Ветер поднимал пыль и бросал её в лицо. Здесь не было густой тени, а вода не появлялась у ног сама собой.

Адам шёл впереди.

Хава следовала за ним.

В полдень они остановились у небольшого углубления между камнями. Там сохранилась дождевая вода. Она была мутной, но пригодной для питья.

Адам набрал её в ладони и протянул Хаве.

Она выпила.

Потом села на землю.

— Мы умрём? — спросила она.

Адам посмотрел на дальние холмы.

— Однажды.

— Все?

— Наверное.

— И наши дети?

Он повернулся к ней.

— Какие дети?

Хава положила ладонь на живот.

Она сама не знала, почему сделала это.

Внутри неё ещё ничего не двигалось. Но теперь она впервые подумала о том, что жизнь может продолжиться не только в них, но и после них.

— Если мы будем жить, — сказала она, — у нас могут быть дети.

Адам молчал.

Он посмотрел на её живот, потом на собственные руки.

До этого они думали только о себе.

Теперь перед ними возникло нечто, чего ещё не существовало, но уже требовало от них решения.

— Мы не знаем, как им жить, — сказал Адам.

Хава посмотрела на него.

— Мы научимся.

— А если не сумеем?

Она долго не отвечала.

— Тогда они будут учиться сами.

Адам опустил голову.

Солнце стояло высоко. Ветер гнал по земле сухую траву. Где-то далеко кричала птица.

Они поднялись и продолжили путь.

К вечеру земля изменилась.

За каменистой возвышенностью открылась низина, по которой когда-то текла вода. Теперь там оставалась лишь узкая влажная полоса. По её краям росли редкие кустарники, а в мягкой земле виднелись следы зверей.

Адам нашёл место для ночлега.

Он собрал сухие ветви, сложил их у камня и долго пытался разжечь огонь. Искра появлялась, но ветер гасил её. Несколько раз он ударял камнем о камень, пока наконец сухая трава не затлела.

Хава смотрела на пламя.

— Раньше оно не было нам нужно, — сказала она.

— Теперь нужно.

— Оно может согреть.

— И сжечь.

Она протянула руки к огню.

На ладонях остались мелкие царапины от веток и камней. Она впервые заметила, что её тело может болеть.

Адам принёс несколько плодов, которые они захватили перед уходом. Их было мало.

Они разделили пищу.

Потом легли рядом.

Над ними было огромное небо.

Звёзды казались такими же близкими, как прежде, но теперь Хава понимала, что до них нельзя дотянуться. Она

смотрела на них и думала о том, что однажды они могут увидеть другие люди.

И эти люди не будут знать сада.

Не будут знать первых ручьёв и деревьев.

Не будут помнить, что когда-то земля сама давала всё необходимое.

Но они будут знать голод.

Будут искать воду.

Будут бояться потерять друг друга.

Хава повернулась к Адаму.

— Ты сердишься на меня?

Он долго молчал.

— Я не знаю.

— Ты считаешь, что это моя вина?

Адам посмотрел на огонь.

— Я ел плод.

— Но я дала его тебе.

— Я мог отказаться.

Она придвинулась ближе.

— Ты мог.

Он повернулся к ней.

Некоторое время они смотрели друг на друга.

Потом Адам протянул руку и коснулся её пальцев.

Она ответила тем же.

Они не простили друг друга.

Ещё нет.

Но впервые после сада между ними возникло не только сожаление, но и понимание того, что каждый мог поступить иначе.

Огонь потрескивал.

Над землёй поднимался дым.

А далеко за холмами оставался сад, в котором не было теней.

Туда нельзя было вернуться.

Но однажды их дети услышат о нём.

И будут спрашивать, каким он был.

Адам и Хава не смогут рассказать всего.

Потому что некоторые воспоминания со временем становятся похожими на сны, а некоторые раны продолжают болеть даже тогда, когда человек забывает, откуда они появились.

Ночь опустилась на землю.

Впервые люди заснули не в саду.

И впервые им было что терять.

Глава 3. Земля, которая не помнила сада

Первую ночь за пределами сада Адам почти не спал.

Он лежал на боку, подложив под голову руку, и слушал, как ветер перебирает сухие стебли. Огонь давно погас. В углях ещё сохранялось слабое красное свечение, но тепла от него почти не осталось.

Хава спала рядом.

Иногда она вздрагивала и что-то произносила во сне.

Адам не разбирал слов. Он смотрел на её лицо, освещённое последними отблесками углей, и пытался представить, что было бы, если бы они не попробовали плод.

Может быть, сейчас они лежали бы под широкими деревьями. Может быть, вода текла бы рядом, а звери не боялись бы их присутствия. Может быть, они никогда не узнали бы страха.

Но тогда он не знал бы и того, что Хава могла сделать выбор без него.

Эта мысль была ему неприятна.

Он повернулся к земле.

Почва была жёсткой, каменистой. В неё нельзя было просто опустить ладонь и почувствовать прохладу влажных корней. Здесь земля словно отталкивала его.

Адам сжал пальцы.

На коже остались тёмные следы.

Впервые он понял, что земля не принадлежит ему только потому, что он на ней стоит.

Утром Хава проснулась от холода.

Она села и огляделась. Вдали поднимались невысокие холмы, между которыми лежала сухая долина. Небо было бледным, почти белым. На востоке уже появлялась полоса света.

Адам собирал ветви.

— Ты не спал? — спросила она.

— Спал.

— Ты всю ночь лежал с открытыми глазами.

Он не ответил.

Хава поднялась и подошла к нему.

— Нам нужно найти воду.

— Я знаю.

— Вчера мы нашли только немного.

— Этого хватит на дорогу.

— А дальше?

Адам бросил ветви на землю.

— Не знаю.

Она посмотрела на него.

— Ты часто говоришь это.

— Потому что не знаю.

В его голосе было раздражение, но Хава не стала отвечать. Она понимала, что ему тяжело. Ему, привыкшему давать имена всему живому, теперь приходилось идти по земле, которая не отвечала ни на один вопрос.

Они отправились на восток.

Путь был долгим. Под ногами хрустели сухие растения, иногда попадались небольшие участки мягкой земли, где после дождя задерживалась влага. Адам искал следы зверей. Хава смотрела на птиц: она заметила, что некоторые из них летят низко над землёй и время от времени опускаются к кустарникам.

— Там может быть вода, — сказала она.

Они изменили направление.

Через некоторое время нашли небольшую впадину, заполненную дождевой водой. Вода была мутной, но её оказалось достаточно, чтобы напиться.

Хава опустилась на колени.

— Здесь можно остаться.

Адам осмотрел местность.

— Нет.

— Почему?

— Здесь мало деревьев.

— Мы можем посадить семена.

— Мы не знаем, какие семена вырастут.

Хава набрала воды в ладони.

— Адам, мы не можем идти бесконечно.

Он посмотрел на дальнюю возвышенность.

— Найдём место лучше.

Она ничего не сказала.

Они снова отправились в путь.

К полудню Хава почувствовала усталость.

Её ноги болели, а плечи ныли от долгой ходьбы. Она несколько раз останавливалась, но Адам продолжал идти, словно боялся, что если задержится, то земля за ним сомкнётся и навсегда отделит их от сада.

Наконец Хава села на камень.

— Подожди.

Адам обернулся.

— Что?

— Я больше не могу идти.
Он подошёл.
— Нам нужно найти укрытие до ночи.
— Я знаю.
— Тогда вставай.
Она посмотрела на него.
— Ты говоришь так, словно я не хочу идти.
Адам протянул руку.
Хава не взяла её.
Он постоял рядом, потом сел напротив.
Некоторое время они молчали.
— Я устала, — сказала она.
— Я тоже.
— Но ты не показываешь.
— Потому что кто-то должен идти впереди.
— А если я не хочу идти за тобой?
Адам поднял глаза.
Хава смотрела прямо на него.
— Тогда иди рядом, — произнёс он.
Она протянула руку.
Он помог ей подняться.
И они продолжили путь вместе.
На третий день они нашли долину.

Она была широкой, с мягкими склонами и несколькими большими деревьями. По её краю проходил ручей. Вода была чистой, а земля возле неё оставалась влажной даже под

жарким солнцем.

Адам долго осматривал местность.

Здесь можно было устроиться.

Они нашли место между двумя каменными выступами, где ветер был слабее. Рядом росли кустарники, дававшие небольшие съедобные плоды. Вдалеке виднелись холмы, а за ними начиналась равнина.

Хава опустилась на землю.

— Останемся здесь?

Адам посмотрел на неё.

— Пока.

Она улыбнулась.

Впервые за несколько дней он тоже улыбнулся.

Они начали устраивать жилище.

Сначала собрали ветви и положили их на землю. Потом принесли большие листья и прикрыли ими верх. Камнями закрепили края, чтобы ветер не унёс укрытие.

Работа была тяжёлой.

Ветви ломались, листья рвались, камни соскальзывали. Несколько раз конструкция падала, и приходилось начинать заново.

Но к вечеру у них появилось место, где можно было укрыться от солнца и ночного ветра.

Хава провела ладонью по стене из ветвей.

— Это наш дом.

Адам посмотрел на неё.

— Дом?

Она кивнула.

Он повторил слово про себя.

Дом.

Раньше им не требовалось место, которое можно было бы назвать своим. Теперь это слово приобрело вес.

Дом означал границу между ними и внешним миром.

Означал место, куда можно вернуться.

Означал то, что однажды можно потерять.

В следующие дни они учились жить.

Адам обнаружил, что некоторые растения можно есть, а другие оставляют горечь во рту. Он научился находить воду по следам животных и различать места, где почва сохраняла влагу.

Хава собирала плоды, сушила их на солнце и складывала в небольшую выемку между камнями.

Они начали делать запасы.

Сначала Адам не понимал, зачем собирать больше пищи, чем можно съесть за один день. Но Хава объяснила ему, что завтра плодов может не оказаться.

— Сегодня их много, — сказала она. — Но мы не знаем, сколько будет завтра.

Адам согласился.

Они научились хранить воду в больших полых плодах. Хава заметила, что если закрыть отверстие мягкой травой, вода дольше остаётся чистой.

Адам вырезал из ветви острый наконечник. Им он мог разрыхлять землю и доставать корни растений.

Постепенно жизнь обрела порядок.

Но порядок этот не был похож на прежний.

Раньше они просыпались, когда хотелось, ели, когда чувствовали голод, и отдыхали, когда уставали.

Теперь день делился на труд.

Утром нужно было принести воду.

До полудня — собрать пищу.

После полудня — починить укрытие, проверить запасы, найти сухие ветви.

Вечером они сидели у огня.

И почти всегда говорили о саде.

Однажды Хава нашла семена.

Они лежали в сухой земле под кустом. Маленькие, тёмные, почти незаметные.

Она принесла их Адаму.

— Посмотри.

Он взял несколько семян на ладонь.

— Что это?

— Не знаю.

— Тогда зачем ты их принесла?

— Хочу посадить.

Адам посмотрел на землю.

— Здесь мало воды.

— Мы будем поливать.

— Вода нужна нам.

— Нам нужны и растения.

Он покачал головой.

— Мы не знаем, вырастут ли они.

Хава улыбнулась.

— Значит, узнаем.

Она выбрала небольшой участок возле ручья и разрыхлила землю острым камнем. Затем положила семена в неглубокие ямки и прикрыла влажной почвой.

Адам наблюдал за ней.

— Ты думаешь, они вырастут?

— Не знаю.

— Тогда зачем стараешься?

Хава выпрямилась.

— Потому что хочу, чтобы здесь что-нибудь росло не само по себе, а благодаря нам.

Адам ничего не ответил.

Он смотрел на маленькие холмики земли.

Впервые после изгнания ему показалось, что человек может не только брать у земли, но и оставлять ей что-то своё.

Время шло.

Они перестали считать дни.

Небо меняло цвет, река поднималась после дождей и мелела в жару. Птицы возвращались к одним и тем же деревьям. Звери приходили к воде на рассвете.

Однажды Хава заметила, что её тело изменилось.

Сначала она не придала этому значения. Усталость стала сильнее, иногда её мучила тошнота, а запах некоторых плодов вызывал отвращение.

Она думала, что заболела.

Но однажды утром, когда Адам принёс воду, она взяла его руку и положила себе на живот.

— Послушай.

Он нахмурился.

— Что?

— Здесь что-то есть.

Адам посмотрел на неё.

Хава улыбалась, но в её глазах стоял страх.

Он осторожно приложил ладонь к её животу.

Пока ничего не чувствовалось.

— Ты уверена?

— Нет.

— Тогда почему говоришь?

— Потому что чувствую.

Адам долго не двигался.

Он смотрел на женщину, которая однажды откусила плод, и теперь внутри неё могло расти новое существо.

Он не знал, как быть отцом.

Не знал, как защитить того, кто ещё не появился на свет.

Но впервые за долгое время его мысли обратились не к потерянному саду.

Он подумал о будущем.

Беременность Хавы была трудной.

Её тело менялось, и вместе с ним менялся привычный порядок жизни. Она быстрее уставала, иногда не могла подняться с земли без помощи Адама. В некоторые дни ей хотелось только лежать и слушать воду.

Адам стал приносить больше пищи.

Он уходил далеко от жилища, искал новые растения, ловил небольших зверей и приносил их к огню.

Хава не любила запах мяса.

Но ела, потому что понимала: теперь ей нужно больше сил.

Однажды вечером она спросила:

— Ты думаешь о том, что мы сделали?

Адам сидел у огня и точил деревянный наконечник.

— Часто.

— Ты жалеешь?

Он остановился.

— О чём?

— О том, что попробовал плод.

Адам долго смотрел на огонь.

— Иногда.

Хава опустила глаза.

— А я нет.

Он поднял голову.

— Не жалеешь?

— Я жалею, что мы потеряли сад. Жалею, что нам при-

ходится бояться холода и голода. Но я не могу сказать, что хотела бы снова ничего не знать.

Адам отвернулся.

— Ты думаешь, знание стоило этого?

— Не знаю.

— Тогда зачем?

Хава положила ладонь на живот.

— Потому что теперь здесь кто-то есть. И я хочу знать, кто он.

Адам посмотрел на неё.

Он не ответил.

Но в ту ночь долго не мог уснуть.

Когда пришло время рождения, над долиной стояла тяжёлая жара.

Ветер почти не двигался. Воздух был густым, и даже птицы прятались в тени.

Хава проснулась до рассвета.

Сначала она почувствовала боль внизу живота. Потом боль вернулась, сильнее прежнего.

Она позвала Адама.

Он вскочил и подбежал к ней.

— Что случилось?

Хава схватила его за руку.

— Оно начинается.

Адам не понял сразу.

Потом увидел её лицо.

Страх, который он испытывал прежде, не мог сравниться с этим. Он не знал, что делать. Он не мог найти растения, не мог принести воды так, чтобы боль прекратилась, не мог приказать телу Хавы остановиться.

Он стоял рядом, беспомощный.

— Помоги мне, — прошептала она.

Он опустился на колени.

— Что делать?

— Дай воды.

Он принёс сосуд.

Хава выпила несколько глотков.

Боль снова накатила.

Она закричала.

Адам отшатнулся, но тут же вернулся.

Он держал её за плечи, вытирал пот, поддерживал голову. Время перестало существовать. Был только её голос, напряжённые пальцы и дыхание, которое то прерывалось, то возвращалось.

Когда солнце поднялось над долиной, ребёнок появился на свет.

Он был маленьким, красным, покрытым кровью и слизью.

Несколько мгновений он не издавал звука.

Хава смотрела на него, не решаясь коснуться.

Адам стоял рядом, забыв о дыхании.

Потом ребёнок заплакал.

Громко.

Сердито.

Так, словно требовал у мира объяснить, зачем его сюда привели.

Хава протянула руки.

Ей положили сына на грудь.

Она смотрела на его лицо, на маленькие пальцы, на закрытые глаза.

— Он живой, — прошептала она.

Адам сел рядом.

Он коснулся головы ребёнка.

— Каин, — сказал он.

Хава повторила имя.

— Каин.

Она не знала, почему именно это имя пришло к нему. Но оно легло между ними, как первое слово новой жизни.

Ребёнок продолжал плакать.

Хава прижала его ближе.

Впервые она поняла, что любовь может быть страшной.

Потому что теперь у неё было то, что можно потерять.

Прошло несколько лет.

Каин рос сильным и молчаливым ребёнком.

Он рано научился ходить. Часто уходил от жилища и возвращался с камнями, ветками, перьями и корнями растений.

Ему нравилось наблюдать за работой Адама.

Он видел, как отец разрыхляет землю, как кладёт семена, как ждёт дождя, как очищает участок от сорняков.

Каин хотел помогать.

Сначала он приносил воду. Потом научился держать деревянную палку и разрыхлять почву. Его руки быстро покрывались царапинами, но он не жаловался.

Хава любила смотреть, как сын работает.

Иногда она останавливала его.

— Отдохни.

— Я могу ещё.

— Земля никуда не уйдёт.

Каин не понимал, зачем отдыхать, если можно продолжать.

Он хотел, чтобы отец видел его старания.

Адам замечал это и гордился сыном.

Но гордость его была сдержанной.

Он редко хвалил Каина. Ему казалось, что ребёнок должен учиться без лишних слов.

Хава однажды сказала ему:

— Он ждёт, когда ты скажешь, что доволен.

Адам посмотрел на сына.

Тот копал землю, не поднимая головы.

— Он должен знать, что я вижу его труд.

— Знать — не то же самое, что услышать.

Адам нахмурился.

— Я не хочу, чтобы он вырос слабым.

Хава посмотрела на него.

— Он ещё ребёнок.

Адам ничего не ответил.

Он помнил собственное изгнание. Помнил, как впервые почувствовал беспомощность перед землёй. Он не хотел, чтобы сын вырос человеком, который не умеет справляться с трудностями.

Но он не замечал, что вместе с умением трудиться Каин учился скрывать свои желания.

Через несколько лет родился второй сын.

Хава долго носила его под сердцем. Беременность была легче первой, но роды всё равно принесли ей боль и страх.

Мальчик появился на свет тихим.

Он не плакал сразу. Сначала только открыл глаза и посмотрел на мать.

Хава испугалась.

Но ребёнок вдохнул и издал короткий звук.

Она засмеялась сквозь слёзы.

Адам назвал его Авелем.

Мальчик рос иначе, чем старший брат.

Он любил животных.

Когда научился ходить, часто следовал за небольшим стадом диких коз, которые приходили к ручью. Он мог долго сидеть возле них, не пытаясь приблизиться.

Каин смеялся над ним.

— Они всё равно убегут.

Авель отвечал:

— Не убегут, если не пугать.

— Они звери.

— И что?

Каин не понимал его.

Авель был спокойнее, мягче в движениях. Он замечал, когда животное хромает, когда у птицы повреждено крыло, когда молодая коза отстаёт от стада.

Он приносил домой найденных зверьков, и Хава позволяла ему ухаживать за ними.

Однажды Каин увидел, как брат кормит маленького козлёнка из ладони.

— Зачем ты тратишь на него пищу? — спросил он.

— Он слабый.

— Значит, не выживет.

Авель поднял голову.

— Может быть, выживет.

Каин пожал плечами и ушёл.

Хава наблюдала за сыновьями издали.

Она видела, что между ними нет открытой вражды. Они делили пищу, помогали друг другу, иногда играли у ручья.

Но иногда Каин смотрел на брата так, словно тот обладал чем-то, чего у него самого никогда не было.

Хава не могла понять, чем именно.

Когда Каин стал старше, Адам передал ему часть земли возле ручья.

Участок был небольшим, но почва там оставалась плодородной. Если правильно распределять воду и вовремя уда-

лять сорняки, можно было получить хороший урожай.

Каин принялся за работу с усердием.

Он просыпался до рассвета, проверял влажность почвы, очищал грядки и следил за ростками. Когда начиналась жара, он переносил воду из ручья в углубления между рядами.

Работа была тяжёлой.

Но Каин любил её.

Он видел, как из маленького семени появляется зелёный росток, как он тянется к солнцу, как постепенно набирает силу.

Ему нравилось, что результат зависит от его рук.

Если урожай был хорошим, он знал, что приложил усилия.

Если растения погибали, он искал причину.

Однажды он принёс Адаму первые плоды своего участка.

— Посмотри.

Адам взял несколько зёрен, растёр одно между пальцами.

— Хорошие.

Каин ждал продолжения.

— Земля плодородная, — добавил отец.

Каин опустил глаза.

Он хотел услышать другое.

Хотел, чтобы Адам сказал, что это его заслуга. Что он хорошо трудился. Что отец гордится им.

Но Адам уже отвернулся.

Вечером Хава заметила, что сын молчит.

— Что случилось?

— Ничего.

— Ты принёс хороший урожай.

— Отец сказал, что земля плодородная.

Хава посмотрела на него.

— Разве это плохо?

— Нет.

— Тогда почему ты сердишься?

Каин пожал плечами.

— Я не сержусь.

Она коснулась его волос.

— Ты похож на отца.

Каин не ответил.

Он не знал, считать ли это похвалой.

Авель тем временем стал пастухом.

Сначала он просто сопровождал коз и овец, которые держались возле долины. Потом научился находить пастбища, где трава оставалась зелёной даже в сухое время.

Он знал, когда стадо нужно увести к воде, когда следует искать укрытие от ветра, а когда лучше не приближаться к скалам.

Животные привыкли к нему.

Он разговаривал с ними, звал по именам, различал их по походке и голосу.

Каин считал это пустой забавой.

— Они не понимают, что ты говоришь, — сказал он од-

нажды.

Авель погладил молодую овцу.

— Может быть.

— Тогда зачем?

— Мне всё равно хочется говорить.

Каин рассмеялся.

Но смех получился коротким.

Он смотрел на брата и не понимал, как тому удаётся быть довольным тем, что он имеет.

Авель не стремился к большему участку земли. Не просил у отца новых орудий. Не жаловался, если животные уходили далеко или возвращались поздно.

Он просто делал своё дело.

И всё же люди, встречавшие братьев, часто спрашивали прежде всего об Авеле.

Им нравилось его спокойствие.

Они говорили, что рядом с ним животные не боятся.

Каин слышал эти слова.

И каждый раз чувствовал, будто кто-то незаметно отнимает у него часть того, что он заработал.

Однажды вечером братья сидели у ручья.

Каин очищал деревянную рукоять орудия. Авель чинил верёвку, которой связывал животных.

— Отец хочет, чтобы мы принесли дары, — сказал Каин.

Авель поднял голову.

— Какие дары?

— Первые плоды и лучших животных. Он сказал, что нужно поблагодарить Того, Кто дал нам землю.

Авель кивнул.

— Я знаю.

— Ты уже выбрал?

— Да.

— Кого?

Авель посмотрел на стадо.

— Молодого ягнёнка.

Каин нахмурился.

— Самого хорошего?

— Да.

— Он ещё вырастет.

— Знаю.

— Зачем отдавать лучшего?

Авель не сразу ответил.

— Потому что он лучший.

Каин усмехнулся.

— Удобно рассуждать, когда не ты выращиваешь зерно.

Авель посмотрел на него.

— Ты тоже можешь выбрать лучшие плоды.

— Я трудился над ними.

— Я тоже.

Каин резко поднял голову.

— Ты просто водишь животных по траве.

Авель опустил верёвку.

— Ты думаешь, это легко?

— Легче, чем копать землю.

— Тогда попробуй.

Каин отвернулся.

Он не хотел ссориться.

Но слова уже были сказаны.

В тот вечер братья разошлись, не попрощавшись.

На следующий день Каин собрал плоды.

Он выбрал самые крупные, очистил их от земли и сложил в плетёную корзину. Несколько раз менял расположение, пока не добился того, чтобы всё выглядело достойно.

Авель принёс молодого ягнёнка.

Он был белым, с тёмными пятнами на ушах. Животное спокойно стояло рядом с хозяином.

Адам устроил место для приношения на небольшой возвышенности возле старого дерева.

Там они иногда собирались вместе, чтобы благодарить за воду, урожай и жизнь.

Хава пришла последней.

Она принесла сосуд с водой и поставила его возле камней.

Каин положил корзину на землю.

Авель подвёл ягнёнка.

Некоторое время все молчали.

Адам склонил голову.

Каин сделал то же самое.

Авель опустился на колени.

Ветер прошёл по долине, подняв сухие листья.

Огонь, который Адам развёл у камней, вдруг вспыхнул ярче.

Затем пламя стало ровным.

Но когда Адам поднял голову, он заметил, что его взгляд невольно остановился на Авеле.

Каин тоже это увидел.

Он не знал, почему.

Не знал, что именно произошло.

Но в груди у него возникло знакомое чувство, которое он испытывал с детства, когда отец хвалил брата за то, что сам Каин не считал важным.

Адам подошёл к Авелю и коснулся его плеча.

— Хорошо, сын.

Потом посмотрел на Каина.

— И ты принёс плоды.

Это были простые слова.

Но Каин услышал в них различие.

Он посмотрел на корзину.

Плоды лежали нетронутыми.

Никто не сказал, что они плохие.

Никто не отверг его труд.

Но он видел, что отец не смотрит на него так, как смотрит на брата.

Хава заметила его лицо.

Она хотела подойти, но Адам уже позвал сыновей помочь

убрать камни.

Каин молча поднял корзину.

Он не понимал, что сделал не так.

И никто не объяснил ему.

В ту ночь он долго не спал.

Ветер трепал листья над жилищем. Хава лежала рядом с Адамом, а неподалёку спал Авель.

Каин вышел наружу.

Он сел у ручья и смотрел на воду.

Отражение звёзд дрожало на поверхности.

Он вспомнил, как отец впервые дал ему землю. Вспомнил первые ростки, которые он защищал от птиц. Вспомнил, сколько раз возвращался с поля с кровью на ладонях, потому что острые камни рассекали кожу.

Он трудился.

Он приносил пищу.

Он заботился о доме.

Но почему-то этого было недостаточно.

Каин поднял камень и бросил его в воду.

Круги разошлись.

Потом он бросил второй.

И третий.

— Ты не спишь?

Каин обернулся.

Авель стоял неподалёку.

— Нет.

— Я тоже.
Авель сел рядом.
Некоторое время они молчали.
— Ты сердишься на меня? — спросил Авель.
Каин пожал плечами.
— Нет.
— Тогда почему не разговариваешь?
— Мне нечего сказать.
Авель посмотрел на воду.
— Отец не хотел тебя обидеть.
Каин резко повернулся.
— Ты знаешь, чего он хотел?
— Нет.
— Тогда не говори.
Авель опустил голову.
— Хорошо.
Каин пожалел о резкости, но не извинился.
Он не хотел, чтобы брат видел его слабость.
— Ты всегда получаешь то, что хочешь, — сказал он.
Авель посмотрел на него.
— Нет.
— Тебя любят.
— И тебя любят.
Каин рассмеялся, но в смехе не было радости.
— Ты ничего не понимаешь.
Авель долго смотрел на брата.

Потом поднялся.

— Может быть.

Он пошёл к жилищу.

Каин остался у воды.

Он смотрел ему вслед и чувствовал, как внутри растёт тяжесть.

Ему хотелось позвать брата обратно.

Сказать, что он не хотел ссориться.

Спросить, почему всё так устроено.

Но вместо этого он сжал кулаки.

И промолчал.

На следующий день Каин отправился на поле раньше обычного.

Он работал до полудня, потом до вечера. Земля была сухой, и ему приходилось часто останавливаться, чтобы напиться.

Несколько раз он замечал Авеля на дальнем склоне.

Тот пас стадо.

Каин смотрел на него и снова возвращался к работе.

Когда солнце начало опускаться, он увидел, что Авель направляется к нему.

В руках тот нёс небольшой сосуд.

— Я принёс воды, — сказал он.

Каин не поднял головы.

— У меня есть.

— Эта холоднее. Я набрал её у верхнего источника.

— Оставь.

Авель поставил сосуд на землю.

— Я не хотел вчера ссориться.

Каин выпрямился.

— Ты не ссорился.

— Тогда почему ты так говоришь?

— Как?

Авель не ответил.

Он посмотрел на поле.

— Хорошо растёт.

Каин почувствовал, как в нём снова поднимается раздражение.

— Не надо.

— Что?

— Не надо смотреть на мою землю так, словно понимаешь, сколько она мне досталась.

Авель нахмурился.

— Я не говорил ничего плохого.

— Ты никогда ничего плохого не говоришь.

— Каин…

— Иди к своим животным.

Авель взял сосуд.

Но, прежде чем уйти, посмотрел на брата.

— Я хотел, чтобы у тебя всё было хорошо.

Каин отвернулся.

Авель ушёл.

Ветер поднял пыль над полем.

А Каин ещё долго стоял неподвижно.

Ночью ему приснился сад.

Он стоял среди деревьев, а рядом текла чистая вода. На ветвях висели плоды. Воздух был прохладным, и земля не требовала труда.

Вдали он увидел двух мужчин.

Один стоял у дерева.

Другой сидел на земле.

Каин не мог различить их лиц.

Он позвал.

Но никто не ответил.

Потом тот, кто стоял, поднял руку и указал на него.

Каин проснулся.

Сердце билось быстро.

Рядом спал Авель.

Он вернулся поздно и лёг неподалёку, не разбудив родителей.

Каин посмотрел на брата.

В темноте лицо Авеля казалось спокойным.

Каин отвернулся.

Он ещё не знал, что однажды его руки будут держать не семена и не орудие.

Что земля, которую он так долго возделывал, примет кровь его брата.

Пока он знал только одно: ему казалось, что жизнь обо-

шлась с ним несправедливо.

И это чувство росло быстрее, чем любой посеянный им росток.

Глава 4. Дом, в котором росла тень

С годами долина перестала казаться Адаму чужой.

Он научился различать голоса ветров, знал, где после долгой жары земля первой отдаст влагу, а где ручей скроется под камнями и появится вновь лишь после дождей. Он знал, какие корни можно есть, какие травы помогают при лихорадке, а какие ягоды способны отнять жизнь. Его ладони огрубели, спина привыкла к тяжести, а лицо изменилось так, что Хава порой с трудом узнавала в нём того юношу, которого когда-то встретила среди деревьев Эдема.

Но иногда, просыпаясь до рассвета, Адам смотрел на восток.

Там, за холмами, начиналась земля, которой он не знал. Он не видел больше огненной преграды, но помнил её свет. В такие минуты ему казалось, что сад всё ещё находится совсем близко, стоит лишь подняться на вершину и пройти ещё немного.

Однако за холмами лежали только камни, сухие травы и бесконечные пространства.

Он больше не искал дорогу назад.

Хава тоже изменилась. Её руки стали сильнее, движения — увереннее. Она умела сохранять семена, ткать грубую ткань из растительных волокон, лечить детские раны и нахо-

дить воду там, где Адам видел лишь сухую землю. Она редко говорила о саде. Но иногда, когда ветер приносил запах цветущих трав, она замирала, словно услышала голос давно умершего друга.

Дети росли.

Каин уже мог работать на поле без помощи отца. Его плечи стали широкими, пальцы — сильными, а взгляд приобрёл ту неподвижность, которая заставляла других отводить глаза. Он не любил праздных разговоров. Когда Адам учил его обрабатывать землю, мальчик слушал внимательно и запоминал каждое движение.

Авель был другим. Он мог часами сидеть возле стада, наблюдая, как ягнята учатся ходить. Он разговаривал с животными, знал их повадки и замечал малейшие перемены в их поведении. Даже когда возвращался уставшим, в его лице сохранялось спокойствие.

Между братьями не было открытой вражды. Они делили пищу, вместе носили воду, иногда спорили из-за инструментов. Но Хава всё чаще замечала, что Каин смотрит на младшего брата не так, как прежде.

Это был взгляд человека, который сравнивает.

И всякий раз находит себя проигравшим.

Однажды в конце сухого сезона стадо вернулось с дальнего склона раньше обычного.

Авель шёл впереди, придерживая за плечо молодого ягнёнка. Тот хромал и всё время пытался вырваться. За ним

двигались остальные животные, поднимая пыль.

Каин в это время работал на поле. Он заметил брата, но не остановился.

— Что случилось? — спросил Адам, выходя из жилища.

— Ягнёнок повредил ногу, — ответил Авель. — Камень сорвался со склона.

— Сильно?

— Не знаю. Он не наступает на неё.

Адам осмотрел животное. Нога была опухшей, но перелома, кажется, не было.

— Принеси две ровные палочки и полоску ткани.

Авель поспешил к жилищу.

Каин выпрямился над грядой.

— Если он не может ходить, зачем ты его спасать пытаешься? — спросил он.

Адам поднял голову.

— Потому что он жив.

— Но он будет слабым. Стадо не может кормить тех, кто не приносит пользы.

— Сегодня он слаб. Завтра может окрепнуть.

Каин усмехнулся.

— Земля не ждёт, пока слабые окрепнут.

— И всё же она каждый год даёт новые ростки.

Отец вернулся к работе, словно разговор был окончен.

Каин посмотрел на свои руки. Под ногтями темнела земля, на ладонях проступали трещины. Он вспомнил, как

несколько дней назад долго носил воду к дальним грядкам, пока Авель сидел у ручья, распутывая шерсть, зацепившуюся за кустарник.

Никто не спросил, устал ли он.

Никто не сказал, что его труд был важен.

Когда Авель вернулся с палочками и тканью, Адам показал ему, как закрепить ногу ягнёнка. Младший сын слушал внимательно. Отец терпеливо объяснял, поправлял его руки, а потом похвалил:

— Теперь правильно.

Каин отвернулся.

Он не мог понять, почему два коротких слова, сказанные брату, причиняли ему такую боль.

Вечером Хава приготовила пищу из зерна и сушёных плодов. Адам сидел у огня, Авель рассказывал о стаде, а Каин молча ел.

— На северном склоне появилась вода, — сказал Авель. — Немного, но овцам хватит. Там трава ещё зелёная.

— Откуда ты знаешь? — спросил Каин.

— Видел следы возле камней.

— Следы могли оставить звери.

— Я проверил.

— И сколько времени ты там провёл?

Авель пожал плечами.

— Немного.

— Пока я полдня таскал воду на поле?

Хава подняла глаза.

— Каин, ты устал. Поешь.

— Я не голоден.

— Тогда не мешай другим.

Он посмотрел на мать. В её голосе не было гнева, но Каину показалось, что она опять защищает Авеля.

— Я ничего не сделал, — сказал он.

— Я этого и не говорила.

— Но всегда говорите так, будто я виноват.

Адам положил на колени кусок ткани, который чинил.

— Ты сам ищешь ссору.

— Потому что никто не хочет слышать, что я говорю.

— Мы слышим.

— Нет. Вы слушаете только его.

Авель опустил голову.

— Я не просил их выбирать меня.

— Тебе и просить не нужно.

Наступила тишина.

Огонь потрескивал. За стенами жилища шумел ветер, гоняя сухие листья по земле.

Хава первой нарушила молчание:

— Вы оба мои сыновья.

— Это ты говоришь, — ответил Каин. — Но отец смотрит на нас по-разному.

Адам медленно поднял голову.

— Я смотрю на каждого из вас так, как он того требует.

— А кто решает, чего я требую?

— Ты сам.

Каин встал.

— Тогда я сам и решу, чего мне ждать от вас.

Он вышел наружу, оставив пищу нетронутой.

Хава хотела пойти следом, но Адам остановил её.

— Пусть побудет один.

— Он слишком часто остаётся один.

— Ему нужно научиться владеть собой.

— А если он научится только скрывать то, что в нём происходит?

Адам не ответил.

Он смотрел на вход, за которым исчез сын. Ветер занёс внутрь немного пыли, и она осела на нетронутом куске хлеба.

Ночью Хава не спала.

Она лежала рядом с Адамом и слушала дыхание сыновей. Их жилища были разделены тонкой перегородкой из ветвей и шкур. Иногда Каин ворочался во сне, а Авель тихо разговаривал с кем-то в своих сновидениях.

Хава помнила их младенцами.

Каин первым открыл глаза после рождения. Он смотрел на неё так серьёзно, будто уже тогда требовал ответа на вопрос, которого она не могла понять. Авель долго не издавал звука, а потом заплакал, и этот плач показался ей похожим на зов птицы после дождя.

Она любила обоих.

Но любовь не всегда умела говорить одинаково.

Каину она чаще поручала тяжёлую работу, потому что знала: он справится. Авелю позволяла дольше оставаться возле животных, потому что понимала, как важно ему было чувствовать их доверие. Она думала, что каждому даёт то, что ему нужно.

Теперь ей стало страшно от мысли, что дети могли увидеть в этом не заботу, а различие.

— Ты не спишь, — произнёс Адам.

— Нет.

— О чём думаешь?

— О сыновьях.

Он вздохнул.

— Они повзрослеют.

— Они уже взрослеют. И я боюсь того, какими станут.

— Каин горяч. Но он не злой.

— Я не сказала, что он злой.

— Тогда чего ты боишься?

Хава повернулась к нему.

— Когда мы ушли из сада, я думала, что самое страшное осталось позади. Но теперь вижу: мы принесли с собой то, от чего бежали.

Адам долго молчал.

— Мы принесли жизнь, — сказал он наконец.

— И всё, что она в нас пробудила.

Она отвернулась.

За стеной что-то зашуршало. Возможно, мышь пробиралась к запасам зерна. Возможно, ветер задел сухие ветви.

Хава закрыла глаза, но сон не приходил.

На следующий день Каин ушёл к полю ещё до восхода.

Земля была сухой. Он знал, что урожай будет слабым, если в ближайшие дни не пойдёт дождь. Поэтому он решил расчистить старую канаву, по которой весной вода стекала с холма.

Работа была тяжёлой. Приходилось поднимать камни, вырывать корни и углублять русло. Но Каин не остановился даже тогда, когда солнце поднялось высоко.

Ему нравилось, что здесь никто не смотрит на него. Земля не хвалила и не осуждала. Она принимала семя, если оно попадало в неё, и оставалась пустой, если не было воды.

К полудню к нему подошёл Авель.

— Отец просил передать, что к вечеру нужно проверить загон.

Каин не поднял головы.

— Сам не мог прийти?

— Он занят.

— Конечно.

Авель присел рядом.

— Я могу помочь с канавой.

— Не нужно.

— Вдвоём быстрее.

— Я сказал, не нужно.

Авель некоторое время смотрел на брата, потом поднялся.

— Ты всё время сердишься.

— А ты всё время делаешь вид, что не понимаешь почему.

— Я понимаю, что тебе тяжело.

Каин бросил камень в сторону.

— Вот опять.

— Что?

— Ты говоришь так, будто стоишь выше меня.

— Я не стою выше тебя.

— Тогда перестань смотреть на меня с жалостью.

Авель замолчал.

Ветер поднял пыль между ними. Где-то вдалеке кричала птица.

— Я не хочу с тобой враждовать, — сказал Авель.

— Тогда не приходи ко мне.

Младший брат постоял ещё немного и ушёл.

Каин продолжил работу.

Он не заметил, как сильно сжал рукоять деревянной лопаты, пока та не треснула.

Вечером Адам позвал сыновей к себе.

На краю долины он нашёл место, где можно было поставить новый загон. Старый уже не вмещал всё стадо, и животные часто ломали ограждение.

— Завтра начнём, — сказал он. — Каин, ты подготовишь землю и поставишь основные столбы. Авель займётся ограж-

дением со стороны ручья.

Каин нахмурился.

— Почему он не может делать тяжёлую работу?

— Потому что у него другое дело.

— А у меня всегда тяжёлое.

— Ты лучше справляешься с землёй.

— Значит, мне достаётся всё, что требует силы.

Адам посмотрел на него.

— Ты силён, сын. Это не наказание.

— А если я не хочу быть только сильным?

Отец не сразу нашёл ответ.

Авель стоял чуть в стороне, не вмешиваясь.

— Ты можешь заниматься тем, чем захочешь, — произнёс Адам. — Но сейчас нам нужен загон.

— Нам всегда что-нибудь нужно.

— Такова жизнь.

Каин усмехнулся.

— Для одних жизнь — это стадо и прохладная вода. Для других — камни, земля и мозоли.

— Ты сам выбираешь, как относиться к своей работе.

— А вы сами выбираете, кого любить больше.

Адам резко поднялся.

— Хватит.

Каин замолчал.

Отец редко повышал голос. В детстве этот звук заставлял его сразу опускать глаза. Теперь он не опустил.

— Я не позволю тебе оскорблять брата и мать, — сказал Адам.

— Я никого не оскорблял.

— Ты ранишь словами тех, кто рядом с тобой.

— А кто ранит меня?

Адам подошёл ближе.

— Ты думаешь, что тебе одному тяжело? Ты думаешь, я не помню того, что потерял? Ты думаешь, мне легко смотреть на землю, которая не даёт нам ничего без труда?

— Тогда почему ты никогда не говоришь мне, что я хорошо работаю?

Вопрос прозвучал так неожиданно, что Адам замолчал.

Каин впервые произнёс вслух то, что долго носил в себе.

Он ждал ответа.

Отец посмотрел на его руки, покрытые землёй и трещинами. Потом — на лицо сына.

— Ты хорошо работаешь, Каин.

Слова прозвучали тихо и неловко.

Но было уже поздно.

Каин отвернулся.

— Теперь ты говоришь это потому, что я попросил.

Он ушёл.

Авель остался возле отца.

— Я не хотел, чтобы так получилось, — произнёс он.

Адам тяжело опустился на камень.

— Я тоже.

Прошло несколько дней.

Каин работал молча. Он не спорил с отцом, не отвечал на вопросы матери и почти не разговаривал с братом. Внешне всё вернулось к прежнему порядку, но Хава чувствовала, что между сыновьями возникло нечто новое.

Теперь они избегали встречаться взглядами.

Однажды утром Авель попросил у брата нож, чтобы обрезать верёвку на загоне.

Каин протянул ему нож рукоятью вперёд.

— Возьми.

— Спасибо.

Авель уже собирался уйти, когда заметил, что на пальце Каина кровоточит порез.

— Ты поранился.

— Пустяки.

— Дай посмотрю.

— Не надо.

Авель всё же протянул руку, но Каин оттолкнул её.

— Не трогай меня.

— Я только хотел помочь.

— Мне не нужна твоя помощь.

Авель отступил.

Он не стал спорить. Только положил нож на землю и ушёл.

Каин посмотрел на порез. Кровь выступила тонкой красной линией и медленно скатилась к ладони.

Он вытер её о ткань.

В тот день он впервые подумал, что было бы легче, если бы брата не было рядом.

Мысль испугала его.

Он попытался отогнать её, но она вернулась вечером, когда Авель смеялся возле стада, а Адам слушал его рассказ.

Хава заметила перемену раньше остальных.

Она видела, как Каин задерживается возле жилища, когда слышит голос брата. Как он перестаёт работать, если Авель проходит мимо. Как его лицо становится неподвижным, когда отец обращается к младшему сыну.

Она решила поговорить с ним.

Нашла Каина у ручья. Он сидел на камне и точил деревянный наконечник.

— Ты давно здесь?

— Не знаю.

— Вода сегодня чистая.

— Она всегда чистая после ветра.

Хава села рядом.

Некоторое время они молчали.

— Ты помнишь, как в детстве боялся грома? — спросила она.

— Нет.

— Ты прибегал ко мне и прятался под тканью. А потом сердился, если я пыталась тебя успокоить.

Каин продолжал точить наконечник.

— Я был ребёнком.

— Ты и сейчас мой сын.

Он остановился.

— Что ты хочешь сказать?

— Я хочу, чтобы ты перестал носить в себе то, что тебя разрушает.

Каин посмотрел на неё.

— Ты тоже считаешь, что со мной что-то не так?

— Я считаю, что тебе больно.

— Ты знаешь, почему?

— Догадываюсь.

— Нет. Не знаешь.

Он встал и отошёл к воде.

— Ты всегда говорила, что мы одинаково дороги тебе. Но когда Авель плачет, ты сразу идёшь к нему. Когда он приносит ягнёнка, ты улыбаешься. Когда он говорит, ты слушаешь. А когда я работаю до темноты, ты спрашиваешь, почему я не поел.

Хава опустила глаза.

— Я не знала, что ты так это видишь.

— Ты никогда не спрашивала.

— Ты никогда не говорил.

— А теперь говорю.

Она поднялась.

— Я не могу вернуть тебе детство, Каин. Но могу сказать то, чего, может быть, не говорила достаточно часто: я горжусь тобой.

Он отвернулся.

— Не надо.

— Это правда.

— Не говори так, будто я маленький.

Хава подошла ближе и коснулась его плеча.

Он не отстранился, но и не повернулся.

— Я не хочу потерять ни одного из вас, — сказала она.

Каин долго смотрел на воду.

— Тогда скажи отцу, чтобы он перестал делать вид, будто Авель лучше меня.

— Я поговорю с ним.

— Ты всегда обещаешь.

— На этот раз я не обещаю. Я сделаю.

Он ничего не ответил.

Хава ушла с тяжёлым сердцем. Она хотела обнять сына, но не решилась. Ей казалось, что любое прикосновение сейчас будет принято за жалость.

У ручья Каин остался один.

Вода текла между камнями, не задерживаясь ни возле одного из них.

Вечером Адам долго сидел у входа в жилище.

Хава рассказала ему о разговоре с Каином. Не скрыла ни одного слова.

Адам слушал, опустив голову.

— Я не знал, что он так чувствует, — сказал он.

— Теперь знаешь.

— Я не хотел различать их.

— Но различал.

Он посмотрел на неё.

— Я требовал от Каина больше, потому что верил в него.

— А он думал, что ты требуешь больше, потому что любишь меньше.

Адам провёл ладонью по лицу.

— Что мне делать?

— Не сравнивать их.

— Я никогда не сравнивал.

Хава посмотрела на него долгим взглядом.

— Тогда почему Каин так уверен, что проигрывает?

Адам не ответил.

За холмами темнело небо. Первые звёзды появлялись одна за другой. Когда-то Адам смотрел на них из сада, где ночь была мягкой и нестрашной. Теперь звёзды казались далёкими огнями, которые не обещали ничего.

— Я поговорю с ним, — сказал он.

— Поговори не как отец, который требует послушания. Поговори как человек, который слышит другого человека.

Адам кивнул.

Но разговор так и не состоялся.

На рассвете Каин ушёл к дальнему полю, а Адам отправился проверять стадо. Когда они вернулись, солнце уже клонилось к закату. Потом начался дождь, и все занялись тем, чтобы укрыть запасы и укрепить крышу жилища.

Ночь прошла в хлопотах.

На следующий день Каин снова ушёл один.

В полдень Авель заметил, что брат не вернулся к общей трапезе.

Он оставил стадо возле ручья и направился к полю. Там никого не было. Только деревянная лопата лежала возле канавы, а на земле виднелись свежие следы.

Авель пошёл по ним.

Они вели к каменистому месту за холмом, где росли редкие кусты и почти не было травы. Там Каин расчищал землю под новую гряду.

— Ты здесь, — сказал Авель.

Каин не обернулся.

— Что тебе нужно?

— Мать спрашивала о тебе.

— Я работаю.

— Она оставила тебе еду.

— Пусть оставит себе.

Авель поставил корзину на камень.

— Я не хочу, чтобы мы ссорились.

Каин продолжал работать.

— Ты уже говорил это.

— Потому что это правда.

— Ты думаешь, если повторять одно и то же, оно станет правдой?

Авель подошёл ближе.

— Я не знаю, что тебе сделать, чтобы ты перестал меня ненавидеть.

Каин медленно выпрямился.

— Ты хочешь, чтобы я перестал?

— Да.

— Тогда уйди.

— Но я хочу поговорить.

— Мне нечего тебе сказать.

Авель посмотрел на корзину.

— Поешь. Ты с утра ничего не ел.

Каин ударил лопатой по земле.

— Не командуй мной.

— Я не командую.

— Ты всегда такой. Спокойный. Добрый. Всегда знаешь, что сказать. Все смотрят на тебя и думают, какой ты хороший.

— Я не просил их думать так.

— Но тебе нравится.

Авель опустил глаза.

— Иногда я тоже злюсь. Иногда мне кажется, что отец больше доверяет тебе. Ты умеешь делать то, чего я не умею.

Каин усмехнулся.

— Ты пришёл сказать, что завидуешь мне?

— Нет. Я пришёл сказать, что мы братья.

— Это ничего не меняет.

— Может быть, если бы мы попробовали...

— Замолчи!

Крик отразился от камней.

Авель отступил.

Каин тяжело дышал. В его груди поднималось что-то горячее, чему он не мог дать имени. Он смотрел на брата и видел не человека, а всё, чего, как ему казалось, был лишён: лёгкость, похвалу, доверие, покой.

Авель поднял корзину.

— Я оставлю еду здесь.

Он повернулся, чтобы уйти.

— Не уходи, — произнёс Каин.

Авель остановился.

В этих словах было что-то, чего младший брат давно ждал. Он повернулся и сделал шаг навстречу.

Каин смотрел на него.

Ветер шевелил сухие ветви. Над холмом собирались облака. Где-то далеко громыхнуло.

— Что ты хочешь? — спросил Авель.

Каин не ответил сразу.

Он посмотрел на руки брата, потом на камень возле ног. И вдруг понял, что может сделать то, о чём ещё вчера не позволял себе думать.

Но понимание не остановило его.

— Ты никогда не поймёшь, — сказал Каин.

— Попробуй объяснить.

— Я не хочу объяснять.

Он схватил камень.

Авель увидел движение и поднял руки, но не успел отступить.

Удар пришёлся в голову.

Младший брат упал на колени. Каин стоял над ним, сжимая камень обеими руками. Авель попытался подняться, но тело не подчинилось.

— Каин... — прошептал он.

Это было последнее слово, которое брат услышал от него.

Каин ударил снова.

Потом наступила тишина.

Он стоял неподвижно. Камень выпал из рук и покатился по земле. На светлой пыли появилась тёмная кровь.

Каин смотрел на неё.

Он ждал, что сейчас что-то произойдёт. Что разверзнется земля, что небо расколется, что голос, знакомый ему с детства, произнесёт его имя.

Но ничего не случилось.

Только ветер прошёл между камнями.

К вечеру Хава стала беспокоиться.

Авель не вернулся со стадом. Каин тоже отсутствовал. Адам отправился искать их, взяв с собой посох.

Он нашёл стадо у ручья. Животные были спокойны, только один молодой ягнёнок беспокойно ходил вдоль берега, словно искал кого-то.

Адам позвал сыновей.

Ответа не было.

Он пошёл по следам, которые вели за холм. Там, среди камней, он увидел Каина.

Сын сидел на земле, закрыв лицо руками.

Рядом лежал Авель.

Адам остановился.

Он не сразу понял, что видит. Сначала заметил неподвижную руку, потом спутанные волосы, потом тёмное пятно на земле.

Он бросился к младшему сыну.

— Авель!

Адам опустился на колени, коснулся его лица, плеча, груди. Он звал его снова и снова, но тело оставалось неподвижным.

Каин не поднимал головы.

Адам медленно повернулся к нему.

— Что произошло?

Молчание.

— Каин, что ты сделал?

Сын поднял лицо.

На нём не было ни ярости, ни облегчения. Только ужас человека, который увидел собственный поступок и не может поверить, что совершил его.

— Он упал, — произнёс Каин.

Адам посмотрел на камень, на кровь, на следы борьбы.

— Ты ударил его?

Каин не ответил.

Отец схватил его за плечи.

— Ты убил брата?

Каин попытался вырваться.

— Я не хотел...

— Ты убил его!

Адам отпустил сына и отшатнулся. Он снова опустился возле Авеля, словно хотел заслонить его от всего, что случилось.

Его руки дрожали.

Он хотел закричать, но из груди вышел только глухой звук.

Вскоре прибежала Хава. Она увидела Адама, стоявшего на коленях, и сразу поняла, что произошло нечто непоправимое.

Она бросилась к сыну.

— Авель!

Её голос разорвал тишину долины.

Она упала рядом с ним, обняла его голову, прижала к груди. Пыталась согреть, звала по имени, гладила волосы. Потом увидела кровь на руках Адама.

И посмотрела на Каина.

Он стоял в нескольких шагах.

— Что ты сделал? — спросила она.

Каин открыл рот, но не произнёс ни слова.

Хава поднялась.

В её глазах не было прежней мягкости. Она смотрела на старшего сына так, словно перед ней стоял незнакомец.

— Ты был его братом.

Каин опустил голову.

— Я знаю.

— Нет, — сказала она. — Теперь ты должен узнать, что это значит.

Она вернулась к Авелю и больше не посмотрела на Каина.

Ночь опустилась на долину.

Адам и Хава сидели возле тела сына. Они не зажигали огонь. Им казалось неправильным освещать эту ночь, словно свет мог оскорбить то, что произошло.

Каин находился неподалёку. Он не уходил, но и не приближался.

Он слышал плач матери. Иногда она переставала плакать, и тогда тишина становилась ещё страшнее.

Наконец Адам поднялся.

— Уходи.

Каин посмотрел на отца.

— Куда?

— Не знаю.

— Это мой дом.

Адам долго смотрел на него.

— Здесь лежит твой брат.

Каин перевёл взгляд на неподвижное тело.

— Я не хотел...

— Но сделал.

— Он всё время был между нами.

Адам замер.

— Между кем?

— Между мной и вами. Вы всегда видели его.

— Он был твоим братом, Каин.

— Я знаю!

— Тогда почему?

Каин закрыл лицо руками.

Ответа не было. Ни одного, который мог бы вернуть Авеля или облегчить тяжесть случившегося.

Адам отвернулся.

— Уходи до рассвета.

— Отец...

— Не называй меня так сейчас.

Каин замолчал.

Впервые он почувствовал, что потерял не только брата. Дом, в котором он вырос, больше не принадлежал ему. Мать, которая когда-то носила его на руках, не могла смотреть ему в лицо. Отец, чьей похвалы он ждал всю жизнь, не хотел слышать его голоса.

Он хотел, чтобы кто-нибудь сказал ему, что всё ещё можно исправить.

Но никто не сказал.

Перед рассветом Каин подошёл к ручью.

Он смыл кровь с рук. Вода стала мутной и потекла дальше,

унося красные разводы между камнями.

Каин долго смотрел на свои ладони.

Они были теми же, что прежде. Такими же сильными, с теми же мозолями и трещинами. Но теперь он не мог смотреть на них спокойно.

За спиной раздался тихий шорох.

Он обернулся.

На берегу никого не было.

И всё же Каин почувствовал присутствие, от которого не мог укрыться. Воздух словно стал плотнее, а ветер внезапно стих.

Он услышал голос.

Не громкий и не гневный.

— Где твой брат?

Каин замер.

Вопрос был простым. Таким же простым, как вопросы, которые когда-то задавали ему в детстве. Но теперь в нём заключалось нечто, от чего хотелось бежать.

— Не знаю, — ответил он.

Голос не исчез.

— Ты был рядом с ним.

Каин посмотрел на воду.

— Разве я должен был всюду ходить за ним?

Тишина.

Он почувствовал, что ответил не тому, кому хотел ответить. Слова вырвались прежде, чем он успел их удержать.

— Я не хотел, чтобы всё так случилось.

Но голос не стал объяснять ему, почему случилось именно так.

Каин услышал лишь:

— Земля приняла кровь твоего брата. И теперь она не даст тебе покоя.

Он опустился на колени.

— Что мне делать?

Ответ пришёл не сразу.

— Ты уйдёшь с этой земли. Она больше не будет давать тебе прежний урожай. Ты станешь странником, и дорога не станет тебе домом.

Каин поднял голову.

— Это слишком тяжело. Каждый, кто встретит меня, захочет отомстить. Они убьют меня за то, что я сделал.

Он впервые произнёс правду без оправдания.

Он боялся смерти.

И тогда голос сказал, что никто не должен убивать его. На нём будет знак, который удержит руку того, кто захочет отнять его жизнь.

Каин не понял, что это за знак и почему ему оставляют жизнь после того, что он совершил.

Он только знал, что не умрёт здесь.

И что больше никогда не сможет вернуться к прежнему.

Когда Каин пришёл к жилищу, рассвет уже осветил холмы.

Адам сидел возле тела Авеля. Хава держала его голову на коленях. Они не смотрели на старшего сына.

Каин остановился у входа.

— Я ухожу, — произнёс он.

Хава не ответила.

— Мать...

Она медленно подняла глаза.

— Не проси меня благословить твою дорогу.

Каин кивнул.

Он хотел сказать, что любит её. Хотел попросить прощения. Хотел услышать, что когда-нибудь она сможет произнести его имя без боли.

Но понял, что не имеет права требовать от неё ничего.

Он взял немного зерна, кусок ткани, нож и мех для воды. Потом оглянулся на жилище, в котором провёл всю свою жизнь.

У порога лежала деревянная игрушка, которую Авель вырезал много лет назад. Это была маленькая птица с неровными крыльями. Каин поднял её, подержал в руке и положил обратно.

Он вышел из долины.

Никто не пошёл за ним.

В тот день Адам и Хава похоронили Авеля.

Они выкопали могилу неподалёку от ручья, где когда-то играли их сыновья. Земля была твёрдой, и Адаму пришлось долго работать мотыгой. Хава сидела рядом, держа в руках

одежду младшего сына.

Когда тело опустили в могилу, она наклонилась и положила на грудь Авеля несколько зёрен.

— Ты любил, когда всё росло, — прошептала она.

Адам засыпал могилу землёй.

Каждая горсть падала с глухим звуком.

Когда всё было закончено, они долго стояли рядом.

— Мы должны были увидеть, — сказал Адам.

Хава не ответила.

— Я должен был понять.

— Мы оба должны были.

Она смотрела на свежую землю.

— Я думала, что смогу защитить их от того, что случилось с нами.

Адам опустил голову.

— Мы не защитили.

Ветер прошёл по долине, коснулся травы, задел сухие ветви жилища. Он не принёс ни утешения, ни объяснения.

Только поднял немного пыли над могилой.

Каин шёл на запад.

Он не знал, сколько дней проведёт в пути и где найдёт новую землю. За спиной оставалась долина, где он родился, вырос, трудился и совершил то, что навсегда изменило его жизнь.

Временами ему казалось, что он слышит шаги Авеля.

Он оборачивался.

Позади была пустая дорога.

Однажды ночью Каин остановился возле каменистого склона. Развёл небольшой огонь, съел немного зерна и долго смотрел на свои руки.

На коже, там, где прежде была лишь пыль, теперь виднелся знак.

Он не пытался стереть его.

Знак не снимал вины. Не возвращал брата. Не открывал дорогу домой.

Он лишь говорил каждому, кто встретит Каина, что тот не должен становиться судьёй его смерти.

Каин лёг на землю и закрыл глаза.

Впервые за много лет ему не снился дом.

Ему снилась вода, текущая между камнями. Он стоял на берегу и звал Авеля, но тот не оборачивался.

На рассвете Каин поднялся и продолжил путь.

Земля принимала его следы, но нигде не обещала ему покоя.

А далеко на востоке, в долине у ручья, двое стариков сидели возле могилы своего сына. Они ещё не знали, что однажды им придётся научиться жить с памятью о двух потерянных детях: об одном, которого отняла смерть, и о другом, которого отняла дорога.

Так в мире впервые появилась могила, выкопанная руками родителей.

И впервые кровь брата осталась в земле, где прежде росло

зерно.

Интерлюдия. След, который остаётся

Земля помнит не так, как помнят люди.

Человек хранит лицо, голос, последнее слово. Земля принимает всё без различия: семя и прах, дождь и кровь, след босой ноги и след звериного когтя. Она не спрашивает, кто пришёл к ней с добром, а кто — с бедой. Она укрывает мёртвых и кормит живых, и потому никто не может сказать, что она справедлива.

Но иногда на ней остаётся то, чего не скрывает даже время.

На месте, где пролилась кровь, трава растёт иначе. Не потому, что земля умеет скорбеть, а потому, что живые, проходя мимо, уже не смотрят на это место прежними глазами.

Люди уходят. Дома ветшают. Имена забываются. Дети вырастают и спрашивают о тех, кого никогда не видели. Им отвечают коротко, стараясь не задеть старую рану. Но молчание тоже передаётся по наследству.

Так начинается память рода.

Не с колыбельной и не с рассказа о первых днях мира. Иногда она начинается с того, что мать не может произнести имя одного сына, а отец не знает, как смотреть на другого.

И всё же жизнь продолжается.

Вода течёт. Зерно падает в землю. Над пустынными дорогами загораются звёзды. Где-то вдали человек, которому некуда вернуться, ищет место, где его примут хотя бы на од-

ну ночь.

Небо молчит.

Но молчание не означает, что ничего не слышно.

Синопсис части II. «Кровь на пашне»

После убийства Авеля Каин покидает родную долину. Знак, дарованный ему свыше, спасает его от чужой руки, но не освобождает от памяти о совершённом. Он становится странником, ищет землю, на которой сможет укорениться, и постепенно строит новое жилище. Его потомки принесут миру ремёсла, музыку, скотоводство и новые способы обрабатывать металл, но вместе с умением созидать унаследуют и способность разрушать. Тем временем Адам и Хава остаются возле могилы младшего сына. В их доме рождается новая жизнь, однако радость уже не будет прежней. Кровь Авеля станет первой тенью, которую дети первых людей передадут тем, кто придёт после них.

Часть II. Кровь на пашне

Глава 5. Чужая земля

Каин перестал считать дни.

Сначала он отмечал каждый рассвет, стараясь понять, как далеко ушёл от долины. Потом перестал. Дорога не имела конца, а солнце каждый день поднималось над новым краем земли. Иногда он шёл вдоль сухих русел, где когда-то текли широкие потоки. Иногда пересекал каменистые равнины, на которых ветер не находил преграды. Ночевал в расщелинах, под низкими деревьями, возле редких источников.

Он ел мало. Берёг зерно, которое взял из дома, и пил осторожно, потому что не знал, когда встретит следующую воду.

Знак на нём оставался.

Он не был похож на рану. Кожа под ним не болела, но Каин чувствовал его всякий раз, когда проводил ладонью по лицу. Знак напоминал о том, что его жизнь теперь принадлежала не только ему.

Поначалу он думал, что люди будут узнавать его по нему. Что каждый встречный сразу увидит в нём убийцу. Но на дороге ему попадались лишь звери, птицы да следы тех, кто прошёл здесь прежде. Людей он не встречал.

Это одиночество оказалось тяжелее, чем он ожидал.

В родной долине он часто желал остаться один. Теперь, когда рядом не было ни отца, ни матери, ни брата, он понял, что одиночество не всегда похоже на свободу. Иногда оно становится пустым местом, в котором слышно каждое движение собственной души.

На шестой или седьмой день он увидел дым.

Тонкая серая полоса поднималась за невысокими холмами. Каин остановился и долго смотрел на неё. Дым означал огонь. Огонь означал людей.

Он мог свернуть в сторону.

Но запас воды почти иссяк.

Каин продолжил путь.

Поселение стояло возле неглубокого источника. Несколько жилищ из ветвей и глины окружали небольшую площад-

ку, где сушились шкуры и хранились корзины с зерном. Чуть поодаль паслись козы. За поселением начинались поля, ограждённые камнями.

Люди заметили Каина издалека.

Мужчина с короткой бородой вышел ему навстречу. В руке он держал длинную палку, на конце которой был закреплён острый камень.

— Кто ты? — спросил он.

Каин остановился.

— Путник.

— Откуда идёшь?

— С востока.

— Куда направляешься?

Каин оглянулся на дорогу.

— Пока не знаю.

Мужчина внимательно посмотрел на него.

— У нас не кормят тех, кто не работает.

— Я умею работать.

— Что ты умеешь?

— Возделывать землю. Строить заграждения. Рыть канавы.

— Тогда зачем бродишь?

Каин не ответил.

Из-за жилища выглянула женщина с корзиной в руках. Она посмотрела на незнакомца, затем на мужчину.

— Дай ему воды, — сказала она.

— Сначала пусть назовёт себя.

Каин почувствовал, как напряглись его плечи.

Он мог назвать своё имя. Но вместе с именем пришлось бы рассказать, откуда он пришёл и почему не возвращается домой.

— Меня зовут Каин.

Мужчина повторил имя, словно пытался вспомнить, слышал ли его прежде.

— Я Тарем. Это моё поселение. Здесь живут мои братья, их жёны и дети. Если хочешь остаться на ночь, будешь работать.

— Согласен.

Женщина принесла чашу с водой.

Каин взял её обеими руками. Вода была прохладной. Он пил медленно, чувствуя, как сухость отступает от горла.

— Ты один? — спросила женщина.

— Да.

— Давно?

Он посмотрел на неё.

— Достаточно.

Она не стала задавать новых вопросов.

Тарем указал на край поселения.

— Там есть свободное место возле старого загона. Поставишь себе укрытие. Утром покажу, что нужно сделать.

Каин кивнул.

Впервые после ухода из родной долины ему позволили

остаться.

Он не почувствовал благодарности. Только усталость, которая наконец получила возможность лечь на землю.

Ночью Каин долго не мог заснуть.

Он устроился под навесом из шкур. Вокруг слышались голоса, детский плач, шорох животных. Кто-то кашлял за стеной. Ветер раскачивал ветви над крышей.

Люди жили здесь так, словно мир всегда был таким.

Они не знали его прошлого. Не видели, как Авель упал на землю. Не слышали последнего слова брата. Для них Каин был всего лишь чужаком, который пришёл с востока и согласился работать.

Это должно было облегчить его сердце.

Но ночью он снова увидел каменистый склон.

Авель стоял перед ним. Не говорил, не обвинял, только смотрел. Каин хотел подойти, но ноги не двигались. Потом младший брат поворачивался и уходил за холм, а Каин оставался один.

Он проснулся от собственного крика.

Кто-то за стеной пошевелился. Послышались шаги.

— Плохой сон? — спросил Тарем.

Каин сел.

— Да.

— Здесь часто снятся плохие сны. Особенно тем, кто приходит издалека.

— Ты тоже видел такие?

Тарем присел возле входа.

— Я видел, как умирали мои братья. Один от болезни, другой от зверя. Я видел, как вода забрала наш первый дом. Не всякий сон можно прогнать.

Каин опустил голову.

— А если человек сам стал причиной смерти другого?

Тарем долго молчал.

— Тогда ему труднее всего проснуться.

Он поднялся и ушёл.

Каин остался сидеть в темноте.

Слова незнакомца не принесли облегчения. Но впервые кто-то произнёс вслух то, о чём Каин боялся спросить.

Утром Тарем отвёл его к старому загону.

Ограда была перекошена, несколько столбов сгнили у основания, а камни, которыми укрепляли нижнюю часть, осыпались.

— Нужно укрепить стену, — сказал Тарем. — Козы находят любую щель. Если ночью придёт шакал, он войдёт внутрь.

Каин осмотрел ограждение.

— Дерево здесь плохое. Оно быстро гниёт.

— Другого нет.

— Можно поставить каменные опоры.

— Камень тяжело таскать.

— Зато он останется.

Тарем усмехнулся.

— Ты говоришь как человек, который строит на века.

Каин посмотрел на него.

— Я хочу построить то, что не придётся каждый год чинить.

— Тогда начинай.

Работа заняла несколько дней.

Каин выбирал камни, подгонял их друг к другу, укреплял основание, выравнивал столбы. Он трудился молча, но внимательно. Тарем заметил, что незнакомец умеет видеть слабые места в конструкции прежде, чем та начинает разрушаться.

Однажды он привёл к нему младшего сына.

— Покажи мальчику, как ты кладёшь камни.

Каин посмотрел на ребёнка. Тот был худым, с большими тёмными глазами и следами пыли на лице.

— Зачем?

— Он будет помогать тебе.

Мальчик подошёл ближе.

— Как тебя зовут? — спросил Каин.

— Нер.

— Ты умеешь работать?

— Умею.

— Тогда подними тот камень.

Мальчик попытался, но камень оказался слишком тяжёлым. Он пошатнулся и уронил его на ногу. Вскрикнул.

Каин резко схватил его за плечи.

— Не бери то, что не можешь удержать!

Нер испуганно смотрел на него.

Тарем подошёл и отстранил Каина.

— Он ещё мал.

Каин отпустил мальчика.

— Тогда зачем ты привёл его сюда?

— Чтобы он учился.

Тарем увёл сына.

Каин остался возле стены.

Он посмотрел на свои руки. Вспомнил, как когда-то учил Авеля носить воду. Тот был ещё маленьким и проливал половину по дороге. Каин сердился, а Хава смеялась и говорила, что однажды младший научится.

Тогда он не понимал, почему мать не сердится на Авеля так же, как на него.

Теперь он видел перед собой другого мальчика и не знал, как говорить с ним, не причиняя боли.

Через несколько дней Каин попросил у Тарема место возле источника.

— Зачем? — спросил тот.

— Хочу устроить собственное жилище.

— Ты можешь остаться здесь.

— Я не хочу жить под чужой крышей.

Тарем посмотрел на него.

— Ты думаешь, отдельное жилище сделает тебя свободным?

— Оно будет моим.

— Земля не принадлежит тому, кто поставил на ней стены.

Каин не ответил.

Тарем провёл его за поселение. Там, где склон постепенно переходил в равнину, росло несколько низких деревьев. Земля была плотной, но рядом проходила узкая ложбина, по которой во время дождей стекала вода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.